

МАРИЯ БРИКЕР

Двойной
крутой
детектив

Венок кентавра

Кинорежиссер Варламов давно уже не занимался персональными реалити-шоу, но не смог отказать бывшей приме балета Василисе Берн. Василиса прочитала дневник своей дочери Алисы и узнала страшную тайну: та готовится к самоубийству и планирует осуществить его в новогоднюю ночь! Балерина умоляла отвлечь девушку от ужасного шага, окружить ее поклонниками и воздыхателями. Варламов проанализировал дневник Алисы и предложил другой сценарий. Надо дать Алисе сделать то, что она хочет...

Мария Брикер

**Венок кентавра.
Желтый свитер Пикассо**

«ЭКСМО»

2013

Брикер М.

Венок кентавра. Желтый свитер Пикассо / М. Брикер —
«Эксмо», 2013

Венок кентавра Кинорежиссер Варламов давно уже не занимался персональными реалити-шоу, но не смог отказать бывшей приме балета Василисе Берн. Василиса прочитала дневник своей дочери Алисы и узнала страшную тайну: та готовится к самоубийству и планирует осуществить его в новогоднюю ночь! Балерина умоляла отвлечь девушку от ужасного шага, окружить ее поклонниками и воздыхателями. Варламов проанализировал дневник Алисы и предложил другой сценарий. Надо дать Алисе сделать то, что она хочет... За неделю до Нового года следователю Зотовой сделали оригинальный «подарок» — она нашла под своей дверью огромные окровавленные крылья. Что за падший ангел посетил ее скромное жилище и почему выбрал именно Елену Петровну? Как выяснили эксперты, кровь на крыльях вовсе не демоническая, и принадлежит она убитой ученице закрытой балетной школы под руководством Василисы Берн... Желтый свитер Пикассо Француженка русского происхождения Елизавета Павловна сильно переживала за свою племянницу Мишель: познакомилась по Интернету с художником, представившимся «Пикассо», и теперь летит к нему в Москву! Хорошо, что старый друг режиссер Варламов согласился помочь: попросил своего знакомого Клима встретиться с Мишель под видом художника и внушить к себе отвращение. Но капризной француженке мерзкий тип очень даже понравился! Никто из них еще не знал, что в Москве действует странный художник-убийца: выбирает жертв-натурщиц, чем-то похожих на любовниц настоящего Пабло Пикассо...

© Брикер М., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Венок кентавра	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	39
Глава 9	46
Глава 10	53
Глава 11	59
Глава 12	62
Глава 13	66
Глава 14	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мария Брикер

Венок кентавра. Желтый свитер Пикассо

Венок кентавра

Все события, описанные в романе, являются вымыслом. Сходство героев с реальными людьми случайно.

От автора:

*Демоном человека является он сам.
Индийская пословица*

Пролог

Вернисаж модного художника Юлиана Дербеша подходил к концу. Дамы в нарядах откутюр, разгоряченные шампанским и близостью к прекрасному, обступили художника со всех сторон и лили ему в уши сахарный сироп. Юлиан снисходительно улыбался и картинно поправлял длинные белые локоны, а в голубых глазах его плескались торжество и печаль. Парень был в образе.

Из толпы напористых поклонниц выделялась лишь одна персона – пухленькая русоволосая девушка с двумя хвостиками. По сравнению с другими посетительницами одета она была скромно, в вязаное серое платье и сапожки на низких каблуках, отороченные мехом. Судя по пламенным взорам, которые девушка украдкой бросала в сторону художника, она явно оказалась здесь не случайно, но смелости подойти у юной поклонницы не хватало.

«Смешная», – подумал Варламов, зевнул и направился к выходу. Настроение было прескверным. Бездарности всегда выводили его из себя. Каталог работ Юлиана режиссер видел прежде, о славе молодого художника слышал, но понять феномен его бешеной популярности был не в состоянии. Сегодня все встало на свои места: дам пленили не картины, а молодость и красота художника. Влюбленные поклонницы пачками скупали его мазню и как сороки рекламировали художника.

«Бестолковые дуры», – злился Варламов. Как можно поклоняться пустому месту? Кроме смазливой физиономии, за душой у художника ничего нет, это очевидно! Поэтому и картины плоские. Произведение искусства – это не техника, это душа, выплеснутая на холст. Душа Юлиана походила на крикливого павлина.

Варламов еще раз хмуро оглядел галерею. Досадно, что столько времени потрачено зря. Он заранее знал, что ничего выдающегося в творчестве Дербеша он не найдет, но в галерею его пригласила сама Василиса Берн – женщина необычайной красоты, обаяния и таланта. В прошлом Василиса успешно танцевала на сцене Большого театра и подавала большие надежды. Взлет ее был стремительным, но, к несчастью, недолгим.

Они познакомились много лет назад, когда юная прима гастролировала с балетной труппой в Копенгагене, где режиссер жил долгие годы. Красота и талант этой женщины настолько завораживали, что Варламов не удержался и послал Василисе цветы с визиткой. На ответный реверанс он не рассчитывал. Однако Василиса позвонила ему на следующее утро, поблагодарила за цветы и пригласила на банкет в честь закрытия сезона. Она с восторгом призналась, что давно является горячей поклонницей творчества режиссера и жаждет познакомиться с ним лично.

Поговорить им толком не пришлось. На банкете присутствовала масса народа, приму атаковали поклонники, она постоянно отвлекалась, ускользала, восторженно принимала поздравления и комплименты, фотографировалась для прессы, но режиссеру хватило нескольких минут, чтобы навсегда запечатлеть в своем сердце самые теплые воспоминания об этой удивительной женщине.

Вскоре после триумфа Василису постигло несчастье. Травма колена поставила на карьере крест, но не сломила волю к жизни. Госпожа Берн по-прежнему блистала, но теперь не на сцене, а на светских раутах и активно занималась меценатством, протезировала молодые дарования. Разве Варламов мог отказаться от приглашения этой блистательной женщины? Если бы Василиса назначила ему randevu на свалке радиоактивных отходов, он все равно бы согласился.

В общем, звонок госпожи Берн Варламова удивил и обрадовал. К тому же Василиса так мило настаивала на встрече, что заинтриговала Варламова донельзя. Что в итоге? Прима на вернисаж не явилась.

Несостоявшееся randevu раздосадовало Ивана Аркадьевича больше, чем китчевые полотна художника Дербеша. Сначала Варламов решил, что Василиса опаздывает, и не сильно напрягался. Но она опаздывала уже на два часа! Его даже в молодости так не динамили. Что за глупость? Он же не мальчик, в конце концов, по галереям вхолостую бегать. В Москве без этого масса дел. Съемки новой философско-мистической картины «Крылья демона» подходят к концу, работы море, выкроить даже час из съемочного процесса довольно сложно, а ему пришлось распустить группу до утра.

Варламов набрал номер Василисы и выслушал автоответчик, который голосом госпожи Берн в третий раз сообщил Варламову, что обладательница телефона непременно свяжется с ним, как только это станет возможным. Раздражение мешалось с беспокойством.

Взяв в гардеробе пальто, Иван Аркадьевич вышел на улицу. Стемнело. Шел снег, мягкий и пушистый, кружился в лучах разноцветных огней центра города, падал на мокрый асфальт, таял, смешивался с грязью московских улиц. Захотелось вернуться в Копенгаген. Побродить по чистеньким переулкам, выпить хороший кофе в уютной кофейне, вобрать в себя рождественское настроение. В Москве приближение Рождества пока не чувствовалось, в Дании народ, должно быть, пребывал в предпраздничной суете. В столице суета была всегда, но не праздничная, а нервическая. Старый он, что ли, стал? Раньше Москва его не так раздражала. С другой стороны, отчего-то именно в России Иван Аркадьевич заряжался вдохновением. В спокойной Европе эмоции становились ленивыми, мозги расслабленными, работать было скучно. Потом, здесь жила Лена, Леночка Зотова – следователь по особо важным делам. Его антипод, половинка с другим полюсом. Звонка Лены режиссер ждал с момента приезда в Москву. О начале проекта трубили все газеты и телевидение. Даже при своей занятости на службе Лена не могла не знать, что он приехал, но так и не позвонила. Варламов тоже не звонил, хотя расстались они вполне мирно. Просто другом у него быть не получалось, но ближе Лена не подпускала. «Жаль, госпожа Берн не пришла», – в очередной раз с досадой подумал Варламов и увидел ее.

Изящный силуэт, укутанный в шоколадные меха, темные волосы собраны в гладкую прическу, зеленые глаза смотрят лукаво, нежная улыбка. Ее красота, выдержанная, словно французское вино, очаровывала. Злость тут же развеялась. На эту необыкновенную женщину обижаться было невозможно.

– Простите, ради бога, милейший Иван Аркадьевич! – воскликнула Василиса. – Я живу в пригороде, выехала заблаговременно, но попала в пробку на въезде в Москву. Дорогу перекрыли из-за кортежа очередного высокопоставленного чиновника, который куда-то страшно торопился. Наши власть имущие совершенно не думают о комфорте простых людей. Как назло, я забыла дома телефон и не могла известить вас о задержке. Умоляю, простите, что заставила вас ждать. – Василиса присела в реверансе.

– Да что вы, право... – смутился Иван Аркадьевич. – Я счастлив, что вы пришли, несмотря на произвол чиновников, – улынулся режиссер.

Василиса заметно повеселела.

– Как вам наш кумир? – подмигнула прима, стянула тонкую лайковую перчатку и протянула режиссеру изящную ладонь.

– Вам честно ответить? – иронично спросил Иван Аркадьевич, прикоснувшись губами к руке красавицы.

– Неужели вам не понравилось? – притворно удивилась Василиса. – Весь свет сходит с ума по полотнам сладкого мальчика. Представьте себе, даже моя дочь на нем свихнулась!

– Сочувствую! Впрочем, я могу понять вашу дочь. Юлиан выглядит гораздо симпатичнее своих бездарных полотен.

Василиса весело рассмеялась. Варламов с облегчением вздохнул. Если бы госпожа Берн оказалась горячей поклонницей художника и оценила его мазню, то Иван Аркадьевич потерял бы веру в человечество.

– К слову, вы должны были пересечься с Алисой на вернисаже.

– Ваша дочь здесь? – удивился Варламов и понял, что Василиса лукавила, когда говорила о пробке перед Москвой. Прима специально приехала к закрытию вернисажа, чтобы не пострадал ее тонкий художественный вкус. А его, выходит, она загнала на бездарную выставку вовсе не для того, чтобы узнать мнение о картинах Юлиана. У госпожи Берн совершенно иная цель. Она на это намекала в разговоре, но почему-то Варламов разозлился.

– Василиса, милая, я безумно польщен вашим приглашением и рад вас видеть. Однако должен вам сказать, что я очень не люблю, когда со мной играют в кошки-мышки. Впрочем, я догадался, что дело, о котором пойдет речь, касается вашей дочери.

– Вы очень проницательны, Иван Аркадьевич. Зябко как-то. – Василиса плотнее закуталась в меха. – Здесь неподалеку есть неплохое заведение, где готовят чудесный глинтвейн. Идемте, пропустим по стаканчику. И не обижайтесь, ради бога! Вы мой кумир. Для меня счастье с вами повидаться, пусть для этого я выбрала не самый удачный повод.

Глава 1

Бестолочь

Кофейня, куда привела Варламова бывшая прима, располагалась в тихом дворике дома дореволюционной постройки. Она была декорирована в стиле французского шале. Деревянные столики, камин, пледы на плетеных креслах, кованые люстры. Возникло ощущение, что они вдруг очутились в Альпах. Даже снег, кружащийся в электрическом свете за оконным стеклом, казался чище. Нос щекотал запах гвоздики. Госпожа Берн не обманула. Глинтвейн здесь был превосходный, не какая-нибудь кислятина с дешевым вином и коньяком.

Напиток согрел и расслабил. Василиса, напротив, выглядела напряженной и никак не могла найти подходящие слова для вступления. Она пригубила глинтвейн, полезла в сумочку, вытащила портсигар и зажигалку, прикурила, задумчиво глядя перед собой, словно спохватившись, снова полезла в сумочку, достала конверт и положила перед Иваном Аркадьевичем. Варламов напрягся.

– Там фотографии дочери, – уловив его напряжение, с улыбкой сказала Берн.

Иван Аркадьевич с удивлением взглянул на фото. Меньше всего режиссер ожидал, что пухлая смешная девушка в сером платье, на которую он обратил внимание в галерее, – дочь красавицы Василисы Берн. Прима нервно курила и пристально следила за его реакцией.

– Милая у вас дочь, – улыбнулся он, перебирая карточки.

– Да-а... – протянула Василиса. – Так говорят родителям, когда о чаде сказать больше нечего. Милая... Не красавица, не умница, не талант! Просто милая девушка. – Балерина отхлебнула глинтвейна и прямо посмотрела режиссеру в глаза: – Знаете, чего я хочу? Я хочу, чтобы Алиса стала уверенной в себе сногсшибательной красоткой, от которой молодые люди сходят с ума, а девочки зубоскалят за спиной и завидуют! Я хочу, чтобы моя дочь блистала, как блистала когда-то я, а не пряталась в тени более успешных и наглых девиц. Я хочу, чтобы она стала звездой! У меня есть деньги, и я готова...

– Я не работаю с непрофессиональными актрисами, – перебил режиссер, чтобы сразу расставить все точки над «и». Так он и думал – госпожа Берн протезирует свою дочь на роль в его очередном фильме. Варламов терпеть этого не мог.

– Что? – Василиса с недоумением на него посмотрела. Иван Аркадьевич откашлялся. Похоже, он совсем заработался и перестал понимать людей.

– Простите... – виновато пожал он плечами.

– Вы правильно поняли. Только... не совсем. Я хочу заказать вам спектакль, где в главной роли будет моя дочь. Только она об этом знать не должна. Эдакую постановочную пьесу в ее честь. Пусть почувствует себя желанной. Вы сегодня были в галерее. Творчество Юлиана – своего рода компиляция. Юлиан – продукт, киборг, которого собрали, как конструктор. Взяли материал, вложили денег, раскрутили, научили, как надо себя подавать. Так чем моя дочь хуже? Я хочу, чтобы вы сделали из нее звезду. Скоро Новый год. А в Новый год происходят чудеса. Мечты сбываются...

– Ваши? – сухо уточнил Варламов. Василиса вздрогнула:

– Простите...

– Вы сейчас говорите мне о своих мечтах. Возможно, ваша девочка имеет на этот счет совершенно другое мнение. Вы спрашивали Алису, чего хочет она? Есть ли у вашей дочери стремление блистать, как вы?

– Пусть это мои мечты, что это меняет? Какая вам разница? – с вызовом спросила Василиса. – Покажите мне хоть одну мать, которая не мечтает, чтобы ее ребенок был успешен в этой жизни. Вы получите свои деньги, остальное вас касаться не должно.

– Сводите девочку к стилисту и психологу, посадите на диету, запишите в тренажерный зал и получите то, что вам хочется. Это дешевле выйдет. Вы, Василиса, не по адресу обратились. Извините, мне пора, – сухо сказал Варламов и поднялся.

– Иван Аркадьевич, подождите! Простите меня! Умоляю, послушайте! – в отчаянии воскликнула госпожа Берн и положила на стол пухлую стопку листов. – Это ксерокопия дневника Алисы. Я случайно на него наткнулась. Алиса считает, что недостойна жить, потому что не похожа на меня. Представьте себе, что я почувствовала, читая эти строки! Мне даже в голову не приходило, что ребенок страдает из-за моей... Как бы это... популярности. Она очень закрытая девочка, плохо идет на контакт. Так вот, Алиса находит себя уродиной. Страдает, что ее никто не понимает. Как назло, влюбилась в эту бездарность Юлиана. А мальчишка обожает только себя. Алиса неглупая девочка, понимает, что это безнадежный вариант. Она устала и планирует совершить непоправимое – хочет покончить с собой. Иван Аркадьевич, все очень плохо. Моя дочь готовится к смерти. Это не детская блажь, а серьезное, обдуманное решение. Как я узнала из дневника, она уже пыталась это сделать. В последний момент передумала. Точнее, не передумала, а отложила... Алиса пишет в дневнике, что хочет уйти красиво, чтобы все запомнили. В новогоднюю ночь. Она уже купила платье, белье и туфли! Иван Аркадьевич, умоляю, спасите мою дочь!

Варламов хмуро просмотрел исписанные странички. Неровный детский почерк, расплывшиеся от слез чернила, стихи о смерти, боль, непонимание, усталость. На последних страницах почерк словно окреп, текст структурировался, оформился в осмысленные, четкие предложения. Госпожа Берн не ошиблась. Алиса приняла решение и всерьез готовилась к смерти. По телу пробежал мороз. «Дура! Она не понимает, что ждет ее вовсе не освобождение, а вечные муки. Дура!» Он поднял на Василису глаза.

– Ведите себя как обычно. Если девочка почувствует, что вы знаете о ее планах, она может совершить непоправимое прежде, чем мы найдем решение.

– Значит, вы согласны? Спасибо! – с облегчением вздохнула Василиса.

– Не следует меня благодарить, – буркнул Варламов. – Я не господь и ничего обещать не могу. Если с вашей дочерью что-то случится, разделим ответственность пополам. Мне это одному не потянуть. – Варламов сунул под мышку пачку листов. – Я свяжусь с вами в самое ближайшее время. Записи забираю с собой. Мне надо проанализировать характер вашей дочери.

Шел снег, но уже не таял, сыпал крошкой на асфальт и жухлую листву. Милое детское лицо Алисы стояло перед глазами, и сердце ныло. Старый дурак! Куда он ввязался? Самоубийцу обхитрить практически невозможно, и выбить дурные мысли из головы порой не в состоянии даже психиатр. Такие люди обладают очень сложной психикой. Они сами кого угодно перехитрят. Госпожу Берн в данный момент режиссер ненавидел. «Опомнилась! Раньше надо было о ребенке своем беспокоиться». Да еще ответственность за жизнь девочки на него повесила. На себя Варламов тоже злился за то, что ввязался в очередную историю, главную роль в которой играет смерть. Но если бы он отказался – покоя точно бы не нашел. Так и жил бы с тяжким грузом на сердце. Дай бог, все будет хорошо! Варламов поднял воротник пальто и широким шагом направился к машине.

Глава 2

Крылья

Елена Петровна обжарила помидоры и колбасу, вылила на шипящую сковороду взбитый венчиком меланж из пяти яиц, сверху посыпала тертым сыром, закрыла омлет крышкой и сглотнула слюну. Жрать хотелось немилосердно. Плевать, что попа уже не помещается в юбки. У Зотовой есть оправдание: депрессия, которая лечится исключительно едой, причем исключительно высококалорийной. Елена Петровна честно пробовала грызть морковь, яблоки и сельдерей. Диетологи врут, что зеленый вонючий стебель отбивает аппетит. Врут нахально! Иначе банка сметаны не исчезла бы вслед за стеблем так быстро. Еще она пробовала есть обезжиренные йогурты, мюсли, хлебцы, вареную свеклу, сыр и творог низкой жирности – отравы! Вся диетическая пища мало того что не убавила килограммы, так загнала ее в депрессивное состояние еще глубже. К черту диету! Лучше она будет толстой, но счастливой. Впрочем, счастье – понятие относительное. Вчера, к примеру, она раскрыла сложное дело и выкурила сигарету по этому случаю. Елена Петровна позволяла себе курить исключительно в качестве вознаграждения за успешно выполненную работу. По дороге домой прикупила ностальгический тортик из социалистического прошлого со сладким названием «Сказка» и жуткими кремовыми розочками, банку хорошего кофе, пельмени, сметанку и собиралась приятно скоротать вечерок на диване, смотря любимый детективный сериал. Зря она телевизор включила. Счастье было так близко. Перед сериалом шел сюжет из серии «Грязное белье знаменитостей», в котором рассказывалось, что у Варламова роман с известной меценаткой Василисой Берн. Настроение упало до нуля. Да, Варламов ей клятву верности не давал. Она сама отказалась от предложения руки и сердца, но какая сволочь! Закрутил роман прямо на ее глазах! И с кем? С одной из самых красивых женщин современности. Гад!

Елена Петровна в глубине души надеялась, что он заедет в гости. Как всегда – без звонка, с сумкой разных вкусовостей и букетом роз. Скажет: «Привет, Лена, я вернулся». Она, конечно, немножко повредничает, но пустит, накормит пельменями, напоит чаем, расспросит, как он живет. Варламов невзначай скажет, что ненавидит гостиницы. Она постелит ему на диване в гостиной, сама в парадной ночной рубашке ляжет в спальне и будет гадать: заглянет или нет. С утра Иван Аркадьевич принесет ей завтрак в постель – ароматный кофе, апельсиновый сок и бутерброды с икрой. Потом отвезет на работу и вечером явится снова под предлогом, что забыл у нее нечто важное.

Этот сценарий в отношениях повторялся каждый визит Варламова в Москву. В прошлый раз, правда, в него вклинился новый судебный медик, умница Григорий Варламович Плешнер¹. Хороший человек. Если бы не Варламов, который сделал все возможное, чтобы расстроить их вероятный союз, то была бы она сейчас профессорской женой! А этот гад даже не позвонил! Конечно, теперь у Ивана роман с другой бабой. Допустим, как она живет и с кем, режиссера не волнует. Но мог хотя бы поинтересоваться, как Федор поживает, ради приличия. Кот ведь ни в чем перед ним не провинился! Елена Петровна искала поводы для обвинения предателя, но в душе понимала: ничего Варламов не должен ни Федору, ни ей. Ни сыну Пашке, который души в Варламове не чаёт, признал режиссера за своего и одобрил их возможный союз, который так и не сложился.

Зотова страхнула со сковороды омлет на тарелку и села на стул, подперев руками подбородок. Даже если она похудеет, такой красавицей, как бывшая прима Берн, не станет. И не надо ей красавицей быть, чтобы распутывать преступления. Что там психологи советуют? Вос-

¹ Читайте об этой истории в романе Марии Брикер «Коллекционер закрытых книг».

принимать себя такой, какая есть. А какая она есть? Такая, какая надо: толстая, уставшая, с большой грудью. Вот такая она.

Елена Петровна наморщила лоб, чтобы придумать хотя бы парочку лестных определений, характеризующих свою персону. Хорошая. Умная. Честная. Все ее любят и уважают. Все, кроме Варламова. Он теперь любит и уважает мадам Берн. Вполне закономерный исход – режиссер нашел женщину своего круга. Они оба из творческой среды, люди статусные, публичные, светские. Говорят, она умница и помогает молодым дарованиям. Добрая, значит. Варламов тоже помогает, но не дарованиям, а обездоленным либо счастьем, либо мозгом. Они будут прекрасной парой! Будут осчастливливать обездоленных и делать из них звезд. Bravo, Варламов!

Омлет исчез с тарелки мгновенно, но настроение не улучшилось. Елена Петровна сделала многоярусный бутерброд, поднесла ко рту и услышала звонок в дверь.

– Начинается, – пробурчала она, отложила сооружение из стратегических запасов холодильника и пошлепала открывать. Под ногами крутился кот Федор, шерсть его стояла дыбом. Елена Петровна с удивлением покосилась на кота. На своих Федя никогда так не реагировал, а чужих Елена Петровна не ждала. Зотова посмотрела в глазок и выругалась: какая-то сволочь снова повывкручивала все лампочки на этаже – темнота, хоть глаз выколи. Как-нибудь, когда появится свободная минутка, она вычислит паразита и подарит ему от себя лично фонарь под глазом.

– Кто там? – спросила Зотова. Ответом ей была тишина. Она чувствовала, что за дверью никого нет, но Федор по-прежнему щетинился и вел себя беспокойно. «Бомбу, что ли, под дверь подложили», – тоскливо подумала Елена Петровна. Как раз фигурант по последнему делу грозился ее уничтожить. «Зря омлет из пяти яиц съела, долго придется от стен отскребать вместе с мозгами», – мрачно пошутила Елена Петровна.

«Не буду открывать», – решила она, но рука уже тянулась к замку. Елена Петровна в последний момент отдернула руку, сбегала в спальню, вооружилась гантелью, вернулась и приоткрыла дверь на длину цепочки. В пределах видимости на лестничной клетке никого не наблюдалось. Свет из прихожей выхватил из темноты нечто странное, лежащее под дверью, большое, черное, с перьями. Елена Петровна сняла цепочку и приоткрыла дверь шире, сместив находку со своего половика.

– Это что еще такое? – ошарашенно выдохнула она, присела и пригляделась к «подарку». На лестничной клетке лежали огромные крылья, метра полтора в длину – не меньше. Елена Петровна осторожно пощупала их, понюхала, рассмотрела пальцы, измазанные чем-то липким, и полезла за сотовым телефоном. Какая-то сволочь все-таки испортила ей выходной!

– Рыжов, дуй ко мне на квартиру с чемоданом и большим полиэтиленовым пакетом. Мне под дверь только что крылья подбросили. Нет, я не рехнулась, Вова! Но психиатр явно не помешает, потому что это явно крылья «падшего» ангела, и неплохо бы уточнить, чья на них кровь. Вов, только я тебя прошу, регистрировать выезд не надо. Пару лампочек по дороге прикупи, – попросила Елена Петровна напоследок. Ответом ей была тишина.

Через полчаса криминалист Рыжов озадаченно стоял на лестничной клетке у двери ее квартиры с чемоданом в руке и смотрел на груды перьев. Рядом топтался любимчик Зотовой Бред Питт, он же ее помощник Венечка Трофимов, которого Елена Петровна вызвонила после Рыжова. Прибыли они с разницей в две минуты, и оба молчали.

– А труп где? – первым нарушил тишину Трофимов. Его голос эхом отозвался на лестнице.

– Чей труп, Трофимов? Падшего ангела? – гоготнул Вова. – Дайте табуретку.

– И веревку, – присоединился Веня.

– Я бы на твоём месте не сильно радовался. Я ультрафиолетом проверил следы – гемоглобин присутствует. Кровь на крыльях биологического происхождения, человеческая или нет,

сказать смогу только после экспертизы. Молись, чтобы кровь оказалась животного какого-нибудь, а то вкусим по полной радость бытия и бытовухи.

– Сам начал шутить, – огрызнулся Трофимов. – Про что и речь! Если кровь человеческая, значит, труп есть или будет. Вдруг кровь окажется животного неизвестного происхождения? Обладателя этих крылышек, к примеру. Неизвестно, что хуже, Рыжов! Исследовать кровь трупа или демона? – прошептал Трофимов и сделал страшные глаза.

– Трофимов, хватит болтать! – не выдержала Зотова. – Развели тут мистику! Слетай лучше за стремянкой и лампочку вкрути, чтобы Володя мог образцы взять спокойно. Может, попутно мысль умная в голову придет. Или глупая. Меня интересует, какого рожна именно мне эти крылья подбросили и испортили законный выходной.

– У Варламова своего спросите, – обиделся Трофимов и скрылся в квартире, прежде чем Зотова обрела дар речи.

– А что Варламов? Как-то с падшими ангелами на связи? – ненавязчиво полюбопытствовала Елена Петровна, когда Венечка выволок на лестницу стремянку.

– Вы не в курсе, что он новый проект снимает? – буркнул Трофимов. – «Крылья демона» называется.

– Почему я должна быть в курсе? – с раздражением спросила Зотова.

– Ну-у... не знаю... – протянул Венечка. Рыжов нахально хохотнул. Елена Петровна открыла рот, чтобы высказать коллегам все, что она думает по поводу их гнусных намеков, но Трофимов ввернул лампочку, на лестничной клетке вспыхнул свет, и все снова сосредоточились на крыльях.

– Видовую принадлежность и группу крови скажу после экспертизы. Если человеческая кровь, дам заключение – живое лицо или мертвое – и половую принадлежность выясню. Только вы меня простите, Леночка Петровна, крылья я с собой не попру. Даже не уговаривайте! Как я их оформлять буду? Дела ведь нет.

– Надеюсь, и не будет, – буркнула Зотова. – Ребята, а я что с этим добром делать буду? Повешу вместо рогов в прихожей?

– Пардон муа, – развел руками Рыжов, дескать: извиняйте, Елена Петровна, ваши крылья – ваши заботы. «Ничего, я Вове это припомню, вызову на труп двухнедельной давности и запросов навывписываю на проведение самых сложных экспертиз по самое не балуйся», – злобно подумала Елена Петровна и с надеждой покосилась на Трофимова. Вениамин, закрыв ладонью рот, хихикал. Зотова метнула в него гневный взгляд. Веня ржать перестал.

– У меня две версии. Либо это просто чья-то глупая шутка и лично к вам, Елена Петровна, она не имеет никакого отношения. Просто подростки где-то надыбали крылья. В школьном драмкружке, к примеру. И теперь хулиганят, запугивают мирное население. Либо этот шутник именно вам пытается что-то сказать. А что именно, я пока не втыкаю. Информации мало.

– Версия с подростками мне нравится. Только откуда у подростков кровь живого существа? Ее в магазинах не продают.

– Элементарно: кошку какую-нибудь пришили или птичку, – равнодушно сказал Трофимов. Федор, который настороженно наблюдал за действиями из проема двери, фыркнул и зашипел. – Вот! Федя тоже так считает, – обрадовался Трофимов, склонился над котом и почесал его за ухом. – Не волнуйся, Федя! Найдем живодеров и задницу им надерем.

Федя в ответ одобрительно заурчал. Зотова, глядя на кота, печально вздохнула:

– Ладно, крылья я пока у себя подержу. Не выкидывать же их на помойку. Вещь не дешевая, судя по всему, выполнена с душой. Одних перьев тут килограмма три. Вдруг правда их сперли из какого-нибудь театра, бутафорской мастерской или драмкружка. Если экспертиза выявит, что кровь принадлежит человеку или, не дай бог, человеческому трупу, проверим, не происходило ли каких-либо странных ритуальных убийств в Москве. Мелькнет что-то – выяс-

ним, кто территориально дело ведет, и крылья подарим следакам. Пусть сами разбираются с этим делом. Если кровь бутафорская и заявлений о краже крыльев не поступало – подарю Варламову на Новый год, – мрачно пошутила Елена Петровна. Рыжов и Трофимов весело заржали. Зотовой, однако, было не до смеха. Чутье подсказывало, что «подарок» – не случайность и не розыгрыш подростков. Это начало игры, которую затеял маньяк именно с ней.

– Упаковать? – предложил свою помощь Рыжов. Ему явно было стыдно, что крылья он повесил на несчастного следователя. Зотова ломаться не стала и вручила Владимиру большой полиэтиленовый пакет.

– Заносите в квартиру, на балкон, и руки мойте. Так и быть, угощу вас чаем и тортом «Сказка», – внезапно расщедрилась Елена Петровна и потопала на кухню ставить чайник – оставаться одной в квартире с крыльями падшего ангела, пусть и бутафорскими, было как-то не по себе. Из головы не выходил Варламов. Руки так и чесались позвонить и ехидно спросить, не терял ли он крылья? Впрочем, невелика потеря! Новые отрастут, белые и пушистые. «И будет он порхать вокруг своей пассии, аки ангел во плоти», – с ненавистью подумала Елена Петровна и вытащила из холодильника остатки торта.

В кухню ввалились Рыжов и Трофимов. Елена Петровна подняла на них глаза, потом опустила в коробку с тортом. Три куса «Сказки», которые минуту назад были в ней, волшебным образом исчезли. Мистика какая-то!

– Овсяное печенье будете? Могу еще хлеб с вареньем предложить, – крикнула она и облизала испачканную кремом ложку.

От печенья коллеги отказались. Трофимов вызвался сгонять за тортом, и скоро на столе у Зотовой появилось очередное чудо кондитерской промышленности – торт «Наполеон».

Глава 3

«Наполеон»

«Много сладкого жрать вредно», – заключила Елена Петровна, запихнув в себя очередную порцию активированного угля. Живот крутило всю ночь, к утру поднялась температура, знобило, мутило, навалилась такая слабость, что Елена Петровна с трудом доползала до думательного места. Думы во время визитов посещали ее самые разные. Сначала она кляла «Наполеон». При одной мысли о тортике с жирной начинкой, который приволок Трофимов из ближайшей кулинарии, желудок подпрыгивал к горлу. Когда Елене Петровне стало совсем худо и температура подпрыгнула до сорока, мысли приняли неожиданный для следователя по особо важным делам оборот. Вдруг в ее внезапной болезни не торт виноват, а крылья падшего ангела? На том свете Елена Петровна однажды побывала, пережив клиническую смерть. Ангелов и демонов она там не встречала, только прогулялась по пустому коридору с бесчисленным количеством запертых дверей, вышибла кирпичную кладку, оказалась в райском саду и вернулась обратно². Судмедэксперт Плешнер ее откачал и не дал вволю нагуляться по саду, так сказать, изучить окрестности. Глядишь – встретила бы там ангелов и пообщалась по душам. После возвращения Елена Петровна решила, что странные картины выдал ее мозг от недостатка кислорода. Сейчас, помирая от жара и озноба, Елена Петровна засомневалась. «Вдруг оно существует», – размышляла она, косясь на балконную дверь. Вчера была здорова, как конь, нашла крылья и чуть не померла. Может, не надо было их в квартиру тащить? Мама ей в детстве говорила: «Не тащи всякую каку в дом». Приволокла на свою голову! Хотя было и кое-что положительное: без всяких диет она за одну ночь похудела минимум килограммов на пять. Если окочурится, то в гроб ее положат стройной и прекрасной. От депрессии тоже не осталось и следа – на душевные переживания у Елены Петровны не осталось сил, до унитаза бы добежать, точнее, доползти.

Мистический туман в мозгу развеял звонок Трофимова. Венечка, крихтя и постанывая, сообщил ей, что отравлен неизвестным пищевым продуктом и на дежурство не выйдет, потому что ходить может только в одно место.

Зотова обрадовалась, Трофимов обиделся.

Голос Рыжова в трубке, напротив, звучал бодро, но как-то странно. Вова торта отведать в гостях у Елены Петровны не успел – отбыл по вызову, но кусок ему был выдан сухим пайком с собой. Его слопали пополам две сотрудницы лаборатории, когда он вернулся с вызова, что спасло Рыжова от неприятностей. Криминалисту повезло больше всех, с чем Елена Петровна и поздравила Вову. Поздравления Рыжов принял вяло. Из-за форс-мажорного выхода из строя ассистенток он оказался завален работой по горло.

– Хочешь сказать, биологическую экспертизу от тебя ждать еще не скоро? – вяло спросила Елена Петровна и уже собиралась нажать кнопку отбоя, но Володя, отчего-то шепотом, сообщил, что все сделал, потому как половину ночи провел без сна из-за этих поганных крыльев! Другую половину Рыжов видел красочные кошмары, в которых главными действующими лицами были падшие ангелы и прочая нечисть. Мало того, с утра Вова поругался с женой. Конфликты в семействе Рыжова случались крайне редко, поэтому Вову это сильно опечалило.

– Кровица человеческая! – неожиданно громко рывкнул Рыжов, и Елена Петровна оглохла на одно ухо. Когда к ней снова вернулся слух, Зотова слышала то, что слышать ей совсем не хотелось. – Ищите женщину, – философски заключил Владимир и добавил: – Мерт-

² Читайте об этой истории в романе Марии Брикер «Коллекционер закрытых книг».

вую. То бишь труп. И другого криминалиста. Я с этими погаными крыльями дело иметь отказываюсь! – буркнул Рыжов и отключился.

– И другого следователя, – прокряхтела Елена Петровна и тоже отключилась вместе с телефоном.

* * *

Елена Петровна открыла глаза, отлепила от тела промокшую насквозь рубашку и, кряхтя, села. Пощупала лоб – жар прошел. В теле ощущалась дикая слабость, но живот больше не крутило.

За окном было темно. Елена Петровна включила сотовый и посмотрела на часы. Полночь. Ничего себе она поспала! Провалилась в отключке весь день, точнее, выходной день, что особенно прискорбно. На телефоне было несколько непринятых вызовов. Звонили несколько раз с работы и сын. Елене Петровне стало стыдно: совсем она обнаглела. Пашка наверняка не знает, что и думать, волнуется, Федор голодный.

– Федя, ты где? – позвала она, удивившись, что кот не орет дурниной, требуя жрать, как обычно. Судя по тому, что она пропустила десять звонков, возможно, он и орал. Поорал, понял, что бесполезно, обиделся и изображает святую неприступность. С каждым годом Федор становился все обидчивей. Придется мириться.

– Федя, не вредничай, выходи. Я тебе колбаску дам, – пропела Зотова, набрала номер сына и услышала звонок в дверь. «Пашка приехал проверять, что со мной стряслось, не дождав-шись вестей», – решила Елена Петровна, надела халат и побрела открывать, коря себя в душе, что из-за нее сын сорвался ночью из дома.

– Паш, ты? – спросила она, посмотрев в глазок. На лестничной клетке какая-то сволочь снова выкрутила лампочки. В руке завибрировал сотовый. Елена Петровна озадаченно посмотрела на дисплей – звонил сын.

Зотова торопливо сказала Павлу, что с ней все в порядке, пообещала перезвонить через пару минут, отключилась и вновь устала в темноту лестничной клетки. Полночь – не самое лучшее время для визита гостей. Единственный человек, который любил вламываться к ней среди ночи, – Варламов. Но за дверью стоял явно не он. В полумраке виднелся невысокий темный силуэт с огромной головой и ушами. Неизвестное существо издавало странное шипение. Елену Петровну снова бросило в жар.

Существо приблизилось к двери и посмотрело с другой стороны в глазок. Раздался звонок. Елена Петровна подпрыгнула от неожиданности и заметалась по прихожей. В голову лезли жуткие мысли. С человеком она справилась бы в два счета одним ударом, но за дверью стоял не человек, а какая-то нечисть. Подтверждением служило исчезновение Федора. Кот обидчив, но любопытен до крайности и всегда встречает гостей у порога. Как бороться с нечистой силой, Елена Петровна не знала и впала в настоящую панику. Может, крылья вовсе не бутафорские, а самые настоящие. Демон явился за своими крыльями! «Надо вернуть ему их, и нечисть оставит меня в покое», – пришла в голову Зотовой гениальная идея.

Елена Петровна, чувствуя себя слегка идиоткой, решила бежать за крыльями на балкон, когда услышала знакомое истошное мяуканье. Зотова ошарашенно замерла. Мяуканье доносились из-за двери. Демон выманивал ее из квартиры, имитируя кота Федора. Елена Петровна пришла в неистовство, распахнула дверь и дала Демону в глаз. На пол лестничной клетки что-то брякнулось, голова у Демона оторвалась, откатилась на пару метров, и в квартиру с истошным воплем метнулось нечто лохматое с хвостом.

Елена Петровна перекрестилась, включила свет в прихожей и озадаченно устала на лестничную клетку. Раскинув руки в разные стороны, на лестничной клетке лежал местный сантехник Петя, алкаш и доходяга, в нескольких шагах валялась его енотовая шапка-ушанка.

Из кухни раздавались чавканье и довольное урчание. Елена Петровна пошла на звук – Федор уплетал заветренную еду из своей миски. Зотова налила воды в стакан, сделала два больших глотка. Бедный Федор, видно, убежал, когда Трофимов и Рыжов затаскивали крылья на балкон. Испугался и дал стрекача. Потом опомнился и вернулся. Может, орал под дверью, а она не слышала. Зотова погладила кота, вернулась на лестницу и вылила остатки воды из стакана на физиономию сантехника.

Петя приоткрыл веки и посмотрел на Елену Петровну мутным взглядом. На его щеке отчетливо проступали следы когтей, нижняя губа припухла и наливалась фиолетовым бутоном.

– Что это было? – поинтересовался Петя, дыхнув на Елену Петровну крепким перегаром.

– Возмездие за неумеренное потребление алкогольных напитков, – философски заметила Елена Петровна и ненавязчиво поинтересовалась, какого рожна Петя приперся к ней среди ночи.

– Кота вроде принес, – ошарашил ее Петя, сел и почесал затылок. – У бабы Зины с верхнего этажа толчок прорвало. Я явился по вызову. Все поправил, значит. А она даже на чекушку не дала!

Петя снова глубоко задумался.

– Ну? – поторопила Елена Петровна.

– Вот я и говорю: у бабы Зины с верхнего этажа толчок прорвало. Я явился по вызову. Все поправил, значит. А она даже на чекушку не дала!

Петя опять умолк и сосредоточенно наморщил лоб.

– Дальше что было?! – рявкнула Зотова. Петя вздрогнул, в его глазах появилась некая осмысленность.

– Иду я, значит, обратно. Злой как черт. Выпить хочется – сил нет. Смотрю – кот. На вашего Федю похож. Решил вернуть. Сделать доброе дело. Схватил кота за шкурку, чтобы, значит, не убег. Он как зашипит, паскуда, и меня по морде лапой! Не кот, а тигра бешеная. Короче, я в дверь позвонил, а дальше провал. Только одним пузырем вы, гражданочка, теперь не отделяетесь. Мне ваш бешеный кот мало того что морду расцарапал – последний зуб выбил! – вредным голосом заявил сантехник, сунул грязную лапу в рот, извлек оттуда гнилой зуб и продемонстрировал Елене Петровне. Зотову передернуло.

– Петенька, может, тебе поспать? Ну сам подумай: как кот может зуб выбить? У него же рук нет, – ласково спросила Елена Петровна, потирая кулак. По лицу сантехника прошла новая волна мыслительного процесса.

– Верно... – озадаченно сказал он, с трудом поднялся, почесал покорябанную щеку, напялил шапку, замер у лестницы, ведущей вниз. – Привиделось, значит... Опять привиделось. Ну что за жизнь такая! Как чекушку выпью – то демоны мерещатся, то коты. Пора бухать завязывать, – страдальчески вздохнул Петя и шагнул на ступеньку.

– Стоять! – рявкнула Елена Петровна, метнулась к сантехнику и схватила его за шкурку. – Раз ты в завязке – пойдем, чаем напую. Расскажешь заодно, что за демоны тебе мерещатся.

* * *

– А что рассказывать-то? – прихлебывая чаек из чашки, спросил Петя. – Иду я, значит, вчерась от бабы Зины с верхнего этажа, у нее толчок прорвало.

– Ты же говорил, что у бабы Зины сегодня толчок прорвало?

– Вы меня, тетя Лен, не путайте. Сам запутаюсь, без вашей помощи, – обстоятельно сказал Петя, сунув за щеку мятный пряник. – Вчера у бабы Зины первый раз толчок прорвало, – прошамкал он. – А сегодня – второй! Упарился чинить.

– Может, чинить надо лучше? – не удержалась от комментария Елена Петровна. Петя насутился и отвернулся к окну. Продолжать разговор он явно был не намерен, обиделся на

Зотову, что она прошла по его профессиональной гордости. К счастью, Петя быстро отошел, хлебнул чайку, затолкал второй пряник за щеку и прошепелявил:

– Экая странная вы женщина, тетя Лена. Ежели толчки перестанут ломаться, как я на пузырь себе заработаю? Правда, все равно не дают...

– На пузырь дают, Петя, если работа хорошо выполнена, а не наоборот, – вздохнула Елена Петровна.

– Думаете? – искренне удивился Петя.

– Абсолютно. Ты пей чаек, пей. И дальше рассказывай.

– А что рассказывать-то? Иду я от бабы Зины, а у вашей квартиры мужик с крыльями топчется. Крылья скинул и исчез.

– Куда исчез? – не поняла Зотова.

– А шут его знает. Заштормило меня внезапно по лестнице аж до следующего пролета.

С пола я, значит, соскребся, поднялся обратно, а его уже и след простыл.

– Как он выглядел?

– Кто?

– Демон. Тьфу, мужик!

– Мужик как мужик, – пожал плечами Петя. – Только с крыльями.

Глава 4

Жертва

24 декабря

– Нашел! – радостно проорал с порога Трофимов, влетев к Зотовой в кабинет без стука.

– Что нашел? – устало спросила Елена Петровна и широко зевнула: поспать ночью не удалось. После ухода сантехника Елену Петровну одолели думы про мужика с крыльями. Так и маялась до самого утра. На работу Зотова приехала сонная и заторможенная. Как назло, еще не восстановившийся до конца после отравления организм отказывался принимать в качестве допинга кофе. Еду, впрочем, тоже. Пришлось пить отвратный крепкий чай и грызть крекеры.

– Как – что нашел? Труп! – выдал Трофимов.

– И чему ты радуешься, я никак не пойму? – снова зевнула Елена Петровна.

– Участок не наш, – цинично доложил Венечка. – Так что скоро мы ваши крылья построим в надежные руки, и будет нам счастье, – пропел он оптимистично и добавил тихо: – А то меня что-то колбасит не по-детски от этого всего мракобесия. Я даже с женой поругался.

– Вова тоже, – меланхолично добавила Зотова.

– Охренеть! – обрадовался Трофимов. – Надо вечером с ним пивка выпить, пока мы холостые. Я как раз без тачки сегодня. Жена вчера вечером грохнула.

– Кого? – задумчиво поинтересовалась Зотова.

– Тачку! Не меня же, – ошарашенно сказал Вениамин. – Вы где, Леночка Петровна?

– Извини, Вень. Я еще от твоего «Наполеона» не отошла. Надеюсь, твоя жена не пострадала?!

– Жена не пострадала. Это я пострадал. Потому что сегодня моя очередь машиной пользоваться. Пришлось перддохать на работу своим ходом. Главное, как грохнула! Прямо на ровном месте.

– Мистика, – ехидно заметила Зотова.

– Да какая мистика! Не верю я в это во все. Просто руки у некоторых только для того придуманы, чтобы ресницы красить, – сказал Трофимов. Елена Петровна про себя улыбнулась: Венечка преувеличивал, точнее, приуменьшал достоинства своей супруги. Эльза по уму и сообразительности могла дать фору любому мужику. Из-за этого в семье Трофимова постоянно случались конфликты. Венечка хотел быть главным, но независимая умница Эльза не позволяла. В их ссоре в самом деле не было никакой мистики, собачились они постоянно. – В морг поедем или как? Ребята говорят, там есть на что посмотреть.

– Заинтриговал, – вздохнула Елена Петровна, подхватила сумку и с трудом соскреблась со стула. От слабости и недосыпа ее покачивало. Трофимов выглядел куда лучше, на щеках его проступал румянец, глаза горели. И не скажешь, как и где провел вчерашний день. «Вот что значит молодость», – с завистью подумала Зотова. – Кто потерпевшая – известно?

– Некая Вероника Колесниченко, шестнадцать лет. Ученица балетной школы Василисы Берн, – заметил Трофимов. Елена Петровна на мгновение замерла и ошарашенно уставилась на Венечку. Трофимов тактично сделал вид, что никаких перемен в ее лице не заметил. – Говорят, девчонка была одной из самых талантливых. Подавала большие надежды. Мадам Берн ее выделяла из всех и активно продвигала. Жалко. Совсем молоденькая.

– С чего ты взял, что труп наш? – спросила Елена Петровна.

– Увидите тело – поймете, – напустил туману Вениамин. – К слову: туда следак по тому участку поехал. Я его попросил, чтобы нас подождал. Наверное, думает, что мы дело у него заберем. Наивный! Мы им сейчас работенки-то подкинем, – радовался Трофимов, но у Зотовой не выходило из головы имя «Василиса Берн». Случайность, или Шутник прекрасно осведомлен по поводу ее личной жизни и сделал первый ход в своей чудовищной игре?

В морге они столкнулись со следователем Андреем Ждановым, которому выпало «счастье» получить в свое производство дело об убийстве юной балерины Вероники Колесниченко. Жданов выглядел, как пришибленный науками ботаник – маленький, худой, очкастый. Про таких говорят: соплей перешибешь. Слова Жданов произносил гнусаво, словно у него был гайморит, имел усы (явно для солидности) и вел себя, как французский император. Ассоциация с «Наполеоном» вызвала у Елены Петровны новый приступ тошноты – воображение тут же нарисовало тортик. Трофимов, судя по выражению лица, презрел Жданова с первого взгляда. Жданов взаимно презрел красавчика Трофимова, ясно дав понять, что он старше Венечки по званию и чтобы тот не выпендривался сильно. Венечка, полыхая гневом, наезд проглотил, но возненавидел следователя всеми фибрами души. Зотовой пришлось, преодолевая тошноту, постараться наладить со следователем контакт. Она, в отличие от Венечки, знала, что работать им придется со Ждановым если не вместе, то в тесном контакте. К удивлению, на пятой минуте беседы Зотова почувствовала к Жданову симпатию. За неказистой внешностью и наглостью скрывался весьма незаурядный и умный человек. Звание свое Андрей Жданов явно заслужил, а не выслужил.

Судебный эксперт пригласил их на осмотр тела.

– Труп Колесниченко был найден позавчера, двадцать второго декабря, вечером в Ульяновском лесопарке. Это приблизительно в двух километрах от балетной школы. Смерть наступила тоже вчера, но с утра, между десятью и двенадцатью часами дня. Точнее сложно сказать, тело нашли только вечером. Но убили Колесниченко не в лесопарке. Туда тело привезли на машине и положили на поляне рядом с лыжной тропой.

– А как преступник в лесопарк на машине проехал?

– Предположительно по Родниковской улице. Эта улица идет по окраине микрорайона Солнцево, через гаражи и старый дачный поселок и соединяет Киевское и Боровское шоссе. С Родниковской улицы ведет проселочная дорога в Ульяновский лесопарк. А вот как преступник на Родниковскую улицу попал, сказать затруднительно. Он мог через Боровку ехать, а мог и через Киевское шоссе.

– Значит, преступник не пытался спрятать тело? – уточнила Зотова.

– Думаю, да. Убийца хотел, чтобы тело нашли. Труп был только слегка припорошен снегом естественным образом. Даже ветками не потрудился закидать, что говорит о том, что преступник – определенно человек с отклонениями в психике. Одержимый какой-то идеей фикс, – посвящал в дело Жданов.

– А следы? Снег же лежит, следы должны были остаться.

– Следы аккуратно ельником замели.

– Значит, не совсем псих!

– А вы посмотрите, что он со своей жертвой сделал! – воскликнул Жданов и попросил судмедика перевернуть тело на живот. – Видите рваные раны в районе лопаток? Потерпевшей что-то пришивали жгутом к спине. Явно тяжелое. Не могу понять – что.

– Крылья, – тихо сказала Зотова и вышла из помещения, чтобы перевести дух. Впервые за много лет практики Елене Петровне стало дурно от вида мертвого тела.

Жданов и Трофимов нашли ее у дверей морга. На улице Елене Петровне полегчало, она умылась снежком, взяла себя в руки и готова была продолжать разговор. Трофимов косился на нее удивленным взглядом. Следователь делал вид, что ничего не случилось.

– Судмедэксперт говорит, что в желудке пусто и водный баланс у девушки нарушен. Она пропала двадцатого декабря вечером, а убили ее двадцать второго утром. Колесниченко сутки с половиной где-то держали без воды и еды. Сексуальному насилию девушка не подвергалась. Я одежду на экспертизу отправил. Может, всплывет что-то интересное, и станет приблизительно понятно, где ее держали.

– Заявление о пропаже поступало? – спросила Елена Петровна и подумала, что крылья ей подбросили под дверь двадцать второго вечером. Выходит, в день убийства, точнее, после него.

– В том-то и дело, что нет. В балетной школе рождественские каникулы.

– Не рановато для каникул? Сегодня только двадцать четвертое.

– Это частная школа, наверное, поэтому девочек отпустили раньше. Занятий сейчас нет. Почти все ученицы разъехались по домам. Колесниченко тоже планировала поехать домой. Она из Брянска. Билет на поезд купила заранее, чемоданчик в дорогу собрала. Комендант школы отвез ее на вокзал, но на поезд она так и не села.

– А родители что? Не хватились, когда дочь до родного дома не доехала?

– Мамаша получила от дочери эсэмэс. Дословно: «Не приеду, буду Новый год с Яшей встречать». У матери другая семья, двое маленьких детей от нового брака. С отчимом у Вероники отношения плохие. Они на дух друг друга не переносят и постоянно конфликтуют, хотя именно он оплачивал обучение в балетной школе. Поэтому мать, получив от дочери сообщение, вздохнула с облегчением: боялась, что очередная ссора с отчимом может лишить девочку будущего. Он и без того ее замучил упреками. Я вот чего заметил: насильственная смерть чаще настигает людей, которые не особенно нужны своим близким. Странно, правда? – неожиданно выдал Жданов, и у Елены Петровны отчего-то мороз по коже пошел. Судя по выражению лица Трофимова, он тоже пребывал под впечатлением от последнего заключения следователя.

– Яша – это парень Колесниченко? – сменила тему Зотова. Размышлять об этом ей не хотелось, но Веня не удержался и влез:

– А что тут странного? Большая часть мокрушных дел – бытовые убийства по пьяни или разборки в среде маргиналов. А маргиналы, за редким исключением, растут в таких же семьях, где родители бухают, тунеядствуют, употребляют наркоту и на своих детей забили с рождения.

– Я другие убийства имел в виду. Как бы мистического свойства... Впрочем, вам не понять, так что не напрягайтесь, – в очередной раз опустил Венечку следователь. Трофимов, слывший в управлении интеллектуалом и эрудитом, скорчил такую страшную рожу в ответ, что Зотова испугалась, как бы не случилось очередного убийства.

Жданов, не обращая внимания на гримасы Трофимова, продолжил вводить Елену Петровну в суть дела:

– По поводу поклонника выясняем. Мать не может толком сказать, кто такой Яша. В балетной школе говорят, что у Вероники Колесниченко никакого романа не было. Хотя в этой балетной школе любовь и связи с представителями противоположного пола в принципе не приветствуются. Главное – обучение. Девочек муштруют, как солдат. Жрать не дают, за «неустановленные» отношения штрафуют. Не школа, а казарма. Девушки, с которыми я успел пообщаться, все злые и затраханые вусмерть обучением. Пардон, – опомнился Андрей, интеллигентно поправив очки.

– Ничего-ничего, вещи надо называть своими именами, – успокоила Зотова. – Выходит, Вероника Колесниченко могла от всех скрывать любовную связь.

– Могла, только в списке ее контактов Яши нет. Возможно, никакого Яши не существует вообще. Сообщение матери мог написать убийца, чтобы жертвы не хватились раньше времени. Выдумал первое пришедшее в голову имя.

– У меня другая версия, – буркнул Венечка. – Яша существует. То, что никто о нем не знает, вполне закономерно, учитывая порядки в балетной школе. Вероника Колесниченко его тщательно скрывала ото всех, чтобы проблем не было. Сообщение написала сама Колесниченко. В школе потерпевшая сказала всем, что едет к матери, а той отправила эсэмэс, что не приедет, и рванула к своему парню. В этот момент ее по пути и перехватил Шутник. Сам Яша боится навредить Колесниченко, поэтому никак не проявляется.

– Шутник? Почему Шутник? – удивился Жданов и, не дождавшись ответа, переключился на Венечкину версию: – Логика в этой версии определенно есть. Если это так, то Шутник, как

вы его именуєте, внимательно следил за своей жертвой и был осведомлен о жизни Вероники Колесниченко лучше, чем знакомые и близкие, – заключил Жданов и неожиданно улыбнулся Трофимову. Венечка сделал морду кирпичом, но было видно, что ему одобрение приятно. Зотова вздохнула с облегчением: атмосфера явно разрядилась. Междоусобных войн ей только для счастья не хватало.

– Вень, мне твоя версия тоже нравится. Но я уверена – Вероника Колесниченко не писала эсэмэс. Сами посудите: нелогично написать матери эсэмэс про Яшу, о котором родительница первый раз слышит. Содержание сообщения было бы другим. Не хотела посвящать, написала бы, дескать, не приеду, решила со своим парнем Новый год встречать, и точка. Другое дело, что Шутник... – Зотова посмотрела на Жданова. – Мы вам потом объясним, откуда взялось это кодовое обозначение. Согласна с Трофимовым. То, что никакого Яши в контактах Колесниченко нет, не значит, что этой связи не было. В целях конспирации девушка могла зашифровать Яшу в своей записной книжке под женским именем или под другим условным обозначением типа салона или магазина. К чему я веду: совершенно очевидно, что Колесниченко – не случайная жертва. Шутник тщательно следил за девушкой и вполне мог узнать, что Колесниченко тайно встречается с неким Яшей. Однако убийца не предполагал, что эту связь Вероника скрывает от собственной матери, – вот и сделал ошибку.

– Под женским именем. Гениально! – восхищенно воскликнул Жданов и добавил: – Странно, что мне такая мысль в голову не пришла.

– Да уж, – не удержался от колкости Трофимов, но, судя по тому, что Андрей отреагировал на выпад хихиканьем и словами: «Чего только девки не придумают ради любви», – Трофимова он принял за своего.

– Не знаю... – Зотова задумчиво посмотрела на небо. – Я больше склоняюсь к тому, что имя Яша – это маркер. Мало того, Колесниченко могла встречаться с самим убийцей какое-то время, не предполагая, что крутит любовь с психически нездоровым человеком. В этом случае Шутнику даже напрягаться не пришлось, чтобы заманить девушку в любое место. Яков – редкое библейское имя.

– И означает оно... – Трофимов достал свой смартфон и вышел в Интернет. – «Следующий по пятам».

– Ну точно! Блин, как я это все не люблю! – простонал Жданов.

– Аналогичная фигня, – вставил свое слово Трофимов. От его неприязни к Жданову не осталось и следа. – Учítывая, какую вам, Леночка Петровна, под дверь улику подкинули, все складывается одно к одному. Вполне возможно, что с этим именем Шутник связывает себя или что-то личное. Может, его вообще так в жизни зовут. Эсэмэс – однозначно второй намек.

– Первый, Вень. Не забывай, что сообщение было отправлено за два дня до убийства Колесниченко – двадцатого декабря, а крылья я получила после ее смерти, вечером двадцать второго. В любом случае плохо дело, ребята! Шутник дальше будет убивать. К слову, о крыльях: они до сих пор у меня на балконе лежат. Может, вы ребят пришлете, чтобы их забрали? Пока это только наши предположения, что на крыльях кровь балерины. Образцы крови и микрочастиц я взяла, но надо и крылья на экспертизу отправить. Заодно опросите местное население. Крылья не спички, их в карман не положишь. Должны быть свидетели. Одного я вам подкину: сантехник наш местный, Петр Земцов. Он столкнулся с убийцей у двери моей квартиры. Правда, толку от его показаний мало, он был в дымину.

– Разве вы дело в свое производство не забираете? – искренне удивился следователь.

– С какой такой радости? Вы труп нашли, вы и расследуйте! – возмутился Трофимов.

Звонок на сотовый Елены Петровны прервал перебранку и все разъяснил.

– Гаврюша звонил, – тихо сказала она, отведя Трофимова в сторонку. – Начальнику звонили из Следственного комитета. Дело передают под нашу юрисдикцию. Думаю, без вмешательства госпожи Берн тут не обошлось. – Елена Петровна обернулась к Жданову, который

понял, что случилось, и теперь усиленно морщил лоб, пытаясь скрыть великую радость: – Вы особо не расслабляйтесь, Андрей Васильевич! Не хочу расстраивать, но вас вместе с делом к нам в управление временно переводят. Будете работать под моим руководством в следственной бригаде. Готовьте материалы для передачи. – Зотова посмотрела на часы. – Жду вас завтра с утра у себя. Чтобы времени не терять – предварительный план расследования такой: Андрей Васильевич, проверяйте контакты на предмет обнаружения загадочного Яши. Проверьте с Веней сводки, не было ли заявлений о краже реквизита из драмкружков, театров, театральных студий. Трофимов, у меня к тебе дело государственной важности: вот тебе ключи от моей квартиры, звони Рыжову, езжайте с Андреем Васильевичем ко мне домой, оформляйте все как полагается и избавьте меня уже от этих крыльев! Ключи под половиком оставишь. Заодно опросите свидетелей. Не прилетел же он с неба!

– Кто? – не понял Жданов.

– Мужик с крыльями! – разозлилась Елена Петровна и направилась к служебной машине. Больше всего Зотову расстроило то обстоятельство, что теперь ей придется взаимодействовать с красавицей Василисой Берн, а сама она такая корова страшная, бледная, опухшая. И надеть ей решительно нечего. Как она ее допрашивать такая будет?

– Елена Петровна, а вы куда? – поинтересовался Венечка, когда Зотова продефилировала мимо служебной машины.

– В парикмахерскую, – буркнула Елена Петровна, чем ввела мужчин в ступор.

– Так давайте мы вас подбросим! – предложил Веня.

– Я не могу пользоваться казенным имуществом в личных целях, – отрезала она и бодро потопала в сторону станции метро.

– Принципиальная, – с уважением заметил Жданов.

– Не то слово! У нашей Леночки Петровны роман был с режиссером Варламовым. Он ее замуж звал. Отказала из принципиальных соображений. А сейчас этот гад с Василисой Берн любовь крутит. Прикиньте, Андрей Васильевич, какая ирония судьбы? Елене Петровне придется вести дело об убийстве в балетной школе этой самой мадам Берн. Вот она и нервная такая, – сказал Венечка. Жданов с пониманием кивнул:

– Какой я тебе Андрей Васильевич?! Раз уж мы в одной команде работать будем, называй меня просто Андрей и на «ты». Не люблю я этого официоза! Знаешь, что я подумал: не верю я в иронию судьбы. Помяни мое слово – не случайно это все! Связь есть.

– Ну ясен пень – есть! Без экспертизы понятно, что крылья, которые Елене Петровне подкинули, пришивали к спине несчастной балерины Вероники Колесниченко, – сказал Трофимов.

– Не про то я! Про Елену Петровну Зотову и госпожу Берн! В этом направлении надо рыть глубже.

Глава 5

Встреча с прекрасным

Елена Петровна поправила новую стрижку, томным голосом пригласила посетительницу войти и величественно замерла за столом. «Наполеон» явно пошел ей на пользу – обновок покупать не пришлось. Она влезла в служебную форму, которая за последние полгода села на пару размеров. Так Елена Петровна предпочитала думать. Форма была уродливой, но в данном случае спасительной. На дорогие туалеты у нее в любом случае денег нет, а дешевые на ней сидят, как на корове седло. Впрочем, объективно говоря, она и есть корова, хоть и похудевшая на семь кило. У формы было еще одно положительное качество: Зотова чувствовала себя в мундире, как в броне. С прической только вчера парикмахерша перестаралась. Елена Петровна просила легкую химию, чтобы укладку делать было легче, а на голове получился дом. Прямо как у Плешнера. И ничего невозможно с этим домом сделать. Полбанки лака вылила, вроде утратила конструкцию, но пока до работы ехала – голова закудрявилась снова. Свояч Трофимов даже спросил, не ударило ли ее с утра током. Током ударило ее парикмахершу Людку. Надо было не жадничать и ехать в хороший салон! Огорчало Зотову еще одно обстоятельство: Трофимов вчера не смог отловить Рыжова и забрать крылья с балкона. Ночь снова пришлось провести без сна, что красоты Елене Петровне не прибавило. Венечка тоже ничем порадовать Зотову не смог, свидетелей по делу найти так и не удалось. Даже сантехник Петя куда-то испарился. Поверишь тут в мистику! Как мужик с крыльями мог проникнуть в подъезд ее дома, не замеченный никем? Впрочем, в исчезновении сантехника ничего мистического не было. У Пети был выходной, и, вероятно, он на радостях ушел в запой.

– Добрый день, – всплыла в кабинет Василиса Берн. Величие с лица Зотовой ветром сдуло. В реальности Василиса оказалась даже красивее, чем на журнальных разворотах.

– Для кого добрый, а у кого работы по горло, – неожиданно для себя брякнула Зотова и гаркнула: – Садитесь!

Василиса вздрогнула, присела на краешек стула и сложила руки в перчатках на коленях. «Прямо пенсионерка Института благородных девиц, – подумала Елена Петровна. – В смысле – институтка пансиона», – поправила она себя и вслух хохотнула. Госпожа Берн недоуменно подняла брови.

– Извиняюсь, – гаркнула Зотова. – Это у меня нервное.

– Понимаю... Чем могу быть полезна? – спросила госпожа Берн грудным голосом.

– Шубку можете снять, а то запаритесь, – предложила Зотова. Госпожа Берн не шелохнулась, некоторое время внимательно разглядывала Зотову и сказала задумчиво:

– Странно, я вас иначе себе представляла.

– Это к делу не относится, – резко сказала Елена Петровна. – Я вызвала вас не на смотрины, а на допрос. Дело об убийстве Вероники Колесниченко передано мне в производство, и вам придется ответить на все мои вопросы.

– Послушайте, почему вы так со мной разговариваете?

– Как так? – изобразила на лице невинность Елена Петровна.

– Я сейчас заплачу, честное слово, – потерянно сказала Берн, щелкнула замком лаковой сумочки и достала шелковый кружевной платок. Глаза ее в самом деле наполнились слезами, она аккуратно промокнула их платком и с вызовом посмотрела на следователя: – У меня такое чувство, будто вы меня в смерти Вероники подозреваете.

– А что, у меня могут быть основания вас подозревать?

– Нет.

– В таком случае почему вы так нервничаете?

– Я не привыкла, чтобы со мной общались в подобном тоне! – Василиса поднялась. – Извольте проявлять уважение, или я буду жаловаться на вас в Следственный комитет.

– Ну да, у вас туда дорожка уже протоптана.

– В каком смысле? – искренне удивилась госпожа Берн.

– Ой, вот только не надо из себя строить святую невинность. Думаете, я не понимаю, с чьей подачи дело об убийстве вашей подопечной передано в Главное следственное управление? Думаете, нам тут заняться больше нечем, кроме как расследовать убийства заурядных балерин? – Зотову понесло. Она сама понимала, что ведет себя дико, но остановиться не могла. Лицо примы приобрело свекольный цвет.

– Вероника не заурядная! – выкрикнула она, осеклась, села на стул и потеряла виски. – Погодите! Я ничего не понимаю. О чем вы говорите? Никуда я не ходила, ни в какой Следственный комитет. Но я искренне обрадовалась, когда узнала, что дело передано вам. Прежде я слышала о ваших уникальных способностях.

Глаза Зотовой налились кровью. Варламов, выходит, имел наглость обсуждать ее со своей новой пассией. Какая сволочь!

– Ладно! – хлопнула по столу Зотова. – Давайте перейдем к делу. У меня к вам несколько вопросов. Вы Веронику знали лучше, чем родная мать, она ведь с детства в вашей школе обучалась. У вас есть подозрения, кто мог совершить это преступление?

– Нет. Вернее, есть, но не конкретные. Дело в том, что Веронику все ненавидели, все девочки. Завидовали, что я выделяла ее из всех и активно способствовала продвижению в большой балет.

– Серьезные конфликты у Колесниченко были с кем-нибудь?

– Конечно, были! Я же сказала: Веронику все ненавидели. Это творческая среда. У всех высокие амбиции. Чужой успех порой воспринимается очень болезненно. Характер у Вероники был тоже не сахарный. Она любила демонстрировать свое превосходство. Я ее ругала за это, советовала быть скромнее, проявлять лояльность к другим, не ввязываться в конфликты. Вероника на какое-то время затихала, а потом снова нарывалась на неприятности. Вы только не подумайте ничего, Вероничка не была злой. Высокомерие было ее маской. Просто обстоятельства загнали ее в угол, она предпочла надеть броню.

Елена Петровна поправила свою броню и задала следующий вопрос:

– Роман у Вероники с кем-нибудь был?

– Исключено! – резко сказала мадам Берн. – Я не одобряю подобное времяпрепровождение. Разговор короткий: не нравится – дверь открыта, никто не держит.

– Против природы не попрешь, как говорится, – заметила Зотова.

– Не считите меня за стерву, но иначе никак. Девочки круглосуточно живут в школе. Домой только на каникулы отправляются. Я несу за них полную ответственность перед родителями, которые платят мне немалые деньги за пансион и обучение. Прежде я более лояльно относилась к данному вопросу, позволяла ученицам некоторые вольности. В результате одна забеременела. Причем все открылось, когда делать аборт было поздно. В итоге она себе карьеру испортила и мне репутацию подорвала. А могла бы стать прекрасной балериной! Девочка была очень талантливой. Впрочем, это к делу не относится. Вернее, относится. Вы же спрашивали о возможности романов. После этого инцидента я ввела жесткий контроль. За романы – мгновенное отчисление. Хочешь стать балериной – работай. Хочешь романы крутить и детей рожать – дверь открыта. Никто не держит.

– Вы же не можете контролировать всех девушек круглосуточно!

– Почему же? Сама я, конечно, этим не занимаюсь. Для этого я наняла специалиста.

– Как интересно!

– Не понимаю, почему вы иронизируете! Да, за порядок у меня отвечает специально обученный персонал. Если вам необходимы подробности, обратитесь к нашему коменданту. Его

зовут Яков Сергеевич Бурмистров. Он вам подробно расскажет, как у нас осуществляется контроль. Насчет конфликтных ситуаций Бурмистров тоже вас просветит лучше меня, он в курсе всех внутренних перипетий. Гениальный человек! С ним я как за каменной стеной. Думаю, вы легко найдете общий язык. Яков Сергеевич из ваших – подполковник в отставке. Собственно, именно Бурмистров мне рассказал о вас, когда я сообщила ему, кто ведет дело об убийстве нашей Вероники. Хвалил безмерно и радовался, что именно вы. Сказал, раз дело ведет Зотова, преступника обязательно найдут. Я очень на вас надеюсь. Жалко Веронику, такая ужасная смерть! Колесниченко до настоящего успеха остался всего один шаг... И это такая чудовищная несправедливость, что она погибла именно сейчас! – Василиса приложила платочек к губам и помолчала какое-то время. – Я пойду? А то у меня сегодня встреча очень важная. Если опоздаю, меня тоже убьют!

– Последний вопрос, Василиса Андреевна. Вы не замечали в поведении своей воспитанницы ничего странного в последнее время? Может быть, она вела себя необычно?

– Нет, не замечала. Ничего не замечала... – подавленно сказала Василиса. – Я корю себя за это постоянно. Возможно, я проглядела что-то важное. У меня возникли некоторые проблемы с дочерью, которыми я была полностью поглощена. Впрочем... Вероника пыталась дозвониться до меня перед отъездом. Я была на важной встрече и телефон отключила. Потом включила, увидела пропущенные звонки от нее, перезвонила – никто не ответил.

– Телефон был заблокирован?

– Нет, просто не отвечал. Было примерно четверть восьмого. Поезд отправлялся в семь вечера. Я подумала: наверное, Вероника звонка не слышит из-за стука колес. Через пару минут мне пришло сообщение. Вероника писала, что села на поезд и уже в пути. Странно это было.

– Странно что?

– Что она не перезвонила. Обычно, если я отправляла ей сообщение, Вероника всегда перезванивала. Она не любила писать эсэмэс.

– Удивительно! Обычно подростки, наоборот, предпочитают общаться через текстовые сообщения, – сказала Зотова.

– Да... Но у Вероники было плохое зрение и неудобный телефон, поэтому она не любила набирать сообщения. Когда я получила от нее эсэмэс, конечно, удивилась. Потом решила, что Вероника деньги на телефоне экономит. А оказалось вон что – девочка попала в ад. Позвольте, я хотя бы позвоню? Неудобно человека задерживать.

– Конечно! Звоните, если необходимо, – разрешила Зотова. – А почему у вас каникулы так рано начались? В обычных школах они после двадцать пятого декабря начинаются, – спросила Елена Петровна, наблюдая за Василисой, которая рылась в сумочке. Наконец она нашла то, что искала – изящный крохотный телефон, – и подняла на следователя глаза.

– Дело в том, что сразу после Нового года у девочек планируется несколько выступлений. Поэтому я отпустила их раньше, чтобы они отдохнули и пообщались с семьями. И потом, у меня частная школа, могу устанавливать свой распорядок занятий и каникул, – объяснила Василиса и набрала номер.

– Иван Аркадьевич, миленький, – прошептала она. – Я задерживаюсь. Меня вызвали на допрос по поводу смерти моей ученицы. Постараюсь приехать, как только смогу!

Лицо Елены Петровны слегка перекосило, и лишь усилием воли она вернула прежнее выражение. Василиса отключила телефон и вопросительно посмотрела на Зотову.

– Идите-идите, раз торопитесь, – злорадно сказала Елена. – Надеюсь, ваша ученица не в аду. За муки, испытанные перед смертью, она вполне заслужила вакантное место в раю. Вы в курсе, что Колесниченко держали без воды и еды больше суток? И это еще не все: убийца за каким-то лядом пришивал к коже несчастной девушки крылья падшего ангела.

Госпожа Берн покачала головой, жалостливо улыбнулась, побледнела и рухнула со стула на пол, взмахнув руками, как умирающий лебедь.

«Впечатлительная какая», – злорадно подумала Елена Петровна, набрала в рот воды из графина и сделала «лебедю» освежающий душ, наблюдая с чувством удовлетворения, как по физиономии прекрасной Василисы расплывается макияж. «Не такая уж она и красotka», – пришла к выводу Зотова, когда прима ошарашенно села и уставилась на нее осоловелым взглядом.

– Координаты Якова Сергеевича Бурмистрова продиктуйте, пожалуйста. И можете быть свободны, – мило прощепетала Елена Петровна и вручила приме пропуск.

Глава 6

Сценарий самоубийства

Варламов тихо вошел в зал с экспозицией художника Дербеша. Повезло, в зале, кроме художника, никого не было. Юлиан стоял напротив одной из своих картин и, склонив голову, любовался собственным творением. Иван Аркадьевич подошел ближе и встал рядом, с удивлением разглядывая полотно. Эту картину режиссер не видел во время открытия вернисажа.

– Прекрасная картина, – вырвалось у него помимо воли. Юлиан вздрогнул и уставился на режиссера.

– Вы меня напугали... – тихо сказал он.

– Извините, не хотел. Я был на вашем вернисаже, но эту картину не видел.

– Вы и не могли ее видеть, потому что... Потому что этой картины здесь не было. Я ее только что повесил. Вам нравится?

– Да, – искренне ответил Варламов. Картина кардинально отличалась от всех произведений художника по глубине. На полотне была изображена обнаженная белокурая девушка, прикрывающая наготу демоническими крыльями. Стиль художника угадывался, но это полотно, в отличие от прочих плоских картин, было безупречно. Иван Аркадьевич даже засомневался, что ее написал Юлиан. Однако в правом углу полотна стояла фирменная подпись художника: «Ю.Д.».

– Новая работа? – спросил Варламов, неотрывно глядя на стыдливого демона.

– Нет, с этой картины все началось, – тихо сказал Юлиан, помолчал немного, вздохнул и перешел на деловой тон: – Значит, желаете приобрести картины? Весьма польщен. Весьма. Сразу хочу предупредить, что это полотно не продается. Все остальное – пожалуйста. Выбирайте любую.

– Любая мне не нужна. Я хочу купить эту, – нахально заявил Варламов, решив проверить Юлиана на вшивость.

– Простите, эта картина не продается. Я же вам объяснил! – капризно сказал художник. – В галерее довольно большой выбор полотен. Уверен, вы найдете что-то по вкусу и для души. Заказы я тоже беру. Если вам хочется чего-то эксклюзивного, то я...

– Эксклюзивное в этой галерее только одно. Вот эта картина.

Глаза Юлиана потемнели.

– Убирайтесь! Убирайтесь отсюда! – неожиданно заорал он, сорвал картину со стены и бросился в подсобное помещение. Галерея опустела, словно из нее ушла душа. Иван Аркадьевич озадаченно крикнул. Реакция художника удивила его. Можно подумать, режиссер Америку открыл. Дербеш сам прекрасно знает, что «Стыдливый Демон» – его лучшая картина. Стоял любовался. Ну вышло одно хорошо, что ж поделать! Нечего было продавать себя с потрохами. Славу и деньги получил – талант утратил. Однако Иван Аркадьевич не предполагал, что на его слова будет такая неадекватная реакция. Ссориться с художником в планах у него не было. Он шел сюда совсем с другой целью – сделать Юлиана своим союзником.

Скрипнула дверь подсобки, и появился Юлиан без картины. Выглядел художник подавленно и воинственно одновременно.

– В общем, я понял, что мои картины вам до лампы. Вы и на открытии вернисажа особого интереса к ним не проявляли. Я не в обиде. Я не рубль, чтобы всем нравиться. Так что вам от меня надо? – резко спросил он. Слова Юлиана эхом отозвались в помещении.

– Я хочу предложить вам роль, – сказал Варламов.

– Роль? – растерянно переспросил Юлиан, черты лица его сразу смягчились, глаза засияли. Он с трудом сдерживал радость. Варламову даже жаль стало разочаровывать пацана, страстно мечтающего о великой славе и признании.

– Роль в моем частном спектакле, – уточнил Варламов. – Это своего рода реалити-шоу, где все участники играют себя, но по написанному сценарию.

– А кого я там буду изображать? – все еще пребывав в иллюзиях художник.

– Юлиана Дербеша. Вы будете играть себя.

– Как это? Вы про меня, что ли, спектакль ставить собираетесь? Про мое творчество? – уточнил Юлиан, сияя в предвкушении славы. Варламов усмехнулся: амбиции у художника были непомерные.

– Спектакль будет про клуб самоубийц, и вам там отведена одна из главных ролей.

Дербеш побледнел, в глазах его появился такой ужас, что Варламов в очередной раз удивился.

Свет в зале погас.

– Наше время истекло, – хрипло сказал художник. – Глашка свет вырубила, паскуда. Сколько раз говорил, чтобы дожидалась ухода последнего посетителя! Короче, нам дали ясно понять, чтобы мы выметались отсюда. Пойдемте ко мне в мастерскую, она отсюда в пяти минутах ходьбы. Там договорим, – предложил Юлиан, и звук его шагов эхом отозвался в зале. Варламов пошел на звук.

* * *

Мастерская художника располагалась в пятиэтажном доме дореволюционной постройки. Особнячок был не отреставрирован.

– Извините, лифта нет и света тоже. Здесь никто не живет, – сказал Юлиан, поднимаясь на верхний этаж по лестнице. Варламов это чувствовал – из дома словно жизнь ушла. – Все помещения в нежилой фонд перевели, жильцов расселили. Мне под мастерскую местечко удалось пробить в мансарде. Очень повезло. Меня этот дом вдохновляет своим опустошением. С ужасом жду, когда здесь капремонт начнут делать – банк один помещение к рукам прибрал. Я уповаю на кризис. Не хочу, чтобы ауру старины под штукатурку зашпаклевали.

Юлиан поднялся на последний этаж, открыл дверь и пригласил Варламова войти. В помещении пахло краской и растворителем, как и полагается. Юлиан включил свет в прихожей. Мастерская выглядела, как апартаменты в стиле лофт: высокие потолки с балками, неоштукатуренные стены, каменная кладка. Вытянутые окна были завешаны легкой полупрозрачной тканью. На стенах висели картины Юлиана. В центре мастерской стоял вовсе не мольберт, а огромная двуспальная кровать с пурпурным шелковым балдахином. Сбоку у стены была лестница, которая вела на второй уровень мастерской. Вероятно, там и работал художник.

– Я здесь иногда ночую, – смущенно объяснил Юлиан. – Может, в кухне поговорим? Проходите, я сейчас.

Дербеш показал на узкий коридор, завешанный бархатной шторой. Сам он поднялся по лестнице на второй этаж.

Коридор привел Ивана Аркадьевича в просторное помещение, отдаленно напоминающее кухню. Плита, стол, раковина, стеллажи с красками и прочими инструментами художника. Раковина была наполнена грязной посудой. Варламов выдвинул из-под стола колченогую табуретку и сел. Мастерская навеяла ностальгические воспоминания о детстве: когда-то с мамой и бабушкой он жил в таком же доме, в коммуналке на Шаболовке и катался на велике по длинному, выкрашенному красно-коричневой краской коридору. И пахло здесь по-особенному: историей. Воспоминания унесли режиссера так далеко, что он не заметил, как в кухню вошел Юлиан.

– Чай будете? – спросил художник. Варламов кивнул. Дербеш налил в алюминиевый чайник воды из крана, поставил на огонь, сполоснул две чашки и сел на табуретку напротив Ивана

Аркадьевича. – Я хочу оставить здесь все так, как есть. Дух прошлого сохранить. Слушайте, ну я не понял, что от меня требуется?

Юлиан театрально тряхнул длинными волосами и зачесал их пятерней назад, стараясь произвести на Варламова благоприятное впечатление.

– Девушку одну надо спасти от беды, – честно признался режиссер. – Она планирует совершить самоубийство. Вы можете ей в этом помешать.

– Почему я? – разминая руки, спросил Юлиан. Судя по выражению лица, он немного растерялся, но старался держать марку.

– Потому что девушка – ваша горячая поклонница. Вы для нее авторитет.

– Фанатка, значит. Ну, я понял. – Юлиан резко поднялся. – Знаете что... Не буду я никому сопلي вытирать и изображать из себя влюбленного. Меня эти дуры безмозглые уже заколебали. Покоя от них нет. То на мобилу трезвонят, то караулят у подъезда, то письма тупые пишут. Хочет удавиться из-за меня – флаг в руки!

– Это не простая фанатка. Эта девочка – дочь Василисы Берн. Покончить с жизнью она не из-за вас хочет – из-за своей матери. Устала жить в ее тени. Впрочем, уговаривать я вас не буду. Дело ваше. – Варламов поднялся и направился к выходу.

– Стойте! – крикнул Дербеш. Иван Аркадьевич обернулся. – Надо же... Я не знал, что Алиска в меня влюблена. Она всегда вела себя со мной очень скромно. Ну ладно... Я согласен, – хмуро сказал Юлиан. – Хотите, чтобы я отговорил ее от самоубийства?

– Ни в коем случае. Напротив! Я хочу, чтобы вы поддержали ее выбор и подсказали самый лучший вариант ухода на тот свет.

Лицо Юлиана вытянулось, но глаза заблестели как-то нехорошо. Варламов вернулся и снова сел на табуретку.

– Чайник кипит, – насмешливо сказал режиссер, глядя в потемневшие глаза художника. Юлиан вздрогнул и потянулся к выключателю.

* * *

С Василисой Берн Варламов встретился в том же кафе, где они пили глинтвейн. Здесь по-прежнему пахло гвоздикой, но камин не горел, и в помещении было зябко.

Госпожа Берн стянула со спинки стула клетчатый пушистый плед и укрыла им плечи. Ее слегка трясло, но вовсе не от прохлады помещения.

– Вы в своем уме, Варламов? – резко спросила Василиса. – Как это – я должна выбрать для своей дочери способ самоубийства?

– Василиса, милая, успокойтесь и попытайтесь вникнуть в мои слова. Я внимательно изучил дневник вашей дочери. Она это сделает по-любому. Алиса – скрытая самоубийца, не проявляет никаких внешних признаков того, что собирается уйти. Среди таких людей самый большой процент тех, кто доводит дело до конца. По записям в дневнике я понял, что ее сознание сузилось. Это верный признак. Она видит мир в черно-белых тонах, как в объектив камеры, и живет только тем, что скоро уйдет. У нее в голове либо все, либо ничего, стать звездой или умереть. Алиса совместила эти понятия – она собирается умереть, чтобы обыграть вас. Если мы для нее праздник организуем, ваша Алиса только счастлива будет, что зрителей полно. Так вот, наша задача – помочь Алисе сделать это так, чтобы мы после смогли ее откачать. Она должна понять, что такое смерть, и испугаться. По-настоящему испугаться. Сейчас девочка представляет смерть как нечто романтическое. Мечтает о том, что все будут рыдать над ее гробом, а она будет лежать вся из себя красивая, в цветах. Как у любого самоубийцы, у Алисы настолько сужено сознание, что она не понимает, что ждет ее за чертой, после того, как она покончит с собой, фигурально выражаясь. Я организую для нее спектакль, чтобы наглядно показать, что ее ждет после смерти.

– Господи, я вас боюсь, Варламов, – прошептала Василиса и закрыла ладонью рот.

– Вам следует бояться не меня, а того, что ваша девочка осуществит задуманное. Представьте себе на минутку, что мы разыграем перед ней спектакль, который планировали вы: знаки внимания, восхищение, обожание со стороны поклонников. Представили? А теперь вообразите, что почувствует ваша дочь, когда упадет занавес? Мы же не можем ежедневно ей спектакли крутить... Вашей девочке станет еще хуже.

Варламов закурил сигарету. Василиса тоже потянулась к своему портсигару, трясущейся рукой вытащила тонкую сигаретку с золотым фильтром.

– Наверное, это была не лучшая моя идея... Но... Вы понимаете, к чему меня подстрекаете?! – воскликнула она, безуспешно пытаясь закурить. Варламов протянул ей свою зажигалку. Василиса прикурила и выдула дым режиссеру в лицо. – Я Алиску пытаюсь уберечь от рокового шага. А вы меня просите, чтобы я способы придумывала. Ну ладно, допустим... Допустим... Пусть так. Господи, я не знаю! – Василиса вознесла глаза к потолку. – Я не знаю, как это делается!

– Думайте! Это ваша дочь, а не моя.

Василиса сделала еще одну глубокую затяжку, закашлялась и потушила сигарету в пепельнице.

– Таблетки? – робко предложила она.

– Неплохо с точки зрения безопасности, но неэффективно с точки зрения встречи со смертью. Алиса должна дойти до критической точки страха и вернуться обратно. А таблетки – что? Выпил – и уснул. Откачали – проснулся. Не страшно. С другой стороны, возможна рвота. Алиса очнется в довольно непрезентабельном виде. Надо подумать. Вариант не безнадёжен, но давайте все-таки обсудим и другие способы.

– Может, вены? – тихо предложила Василиса и стала на глазах синеть. – Ой, мне что-то нехорошо. Нехорошо... – Варламов набрал в рот воды из стакана и сделал ей освежающий душ. – Спасибо, – шмыгнула носом прима, достала платок и высморкалась, не заботясь об испорченном макияже.

– Перерезанные вены хорошая идея, но я сомневаюсь, что ваша дочь на это пойдет.

– Почему?

– Потому что платье купила красивое! Зачем ей платье в ванной?

– По-вашему, она должна вены резать в купальнике? – возмутилась Василиса. – А как же Офелия? Она в красивом платье утопилась...

– Да, но она ведь вены не резала, – возразил Варламов.

– У нас бассейн есть в доме. Глубокий...

Варламов задумался.

– Утопление небезопасно – время для спасательной операции сложно просчитать, у всех разные возможности нахождения без воздуха в воде. Надо искать другой вариант.

– Окно! Как вам вариант падения из окна? – с азартом предложила госпожа Берн.

– А в вашем доме сколько этажей? – оживился Варламов.

– Два.

– Мало!

– Слушайте, а в моей балетной школе – четыре. Может, там устроить празднование Нового года? Девочки все разъехались. Преподавателей я распустила. С комендантом договорюсь. Ему можно доверять.

– А подвал там есть?

– Есть подвал. Не просто подвал, а целые катакомбы. Как думаете, четыре этажа достаточно, чтобы испугаться?

– Вполне. Давайте на этом и остановимся. Это самый лучший вариант, чтобы организовать подстраховку. Сейчас зима, замаскируем под снегом специальное оборудование. Потом Алису отключит доктор, или дадим ей что-то для временного изменения сознания.

– Зачем? – охнула Василиса.

– Как зачем? Чтобы создать иллюзию! Она должна воспринимать действительность иначе. После этого мы перенесем девушку в специально подготовленные для этих целей декорации, где мои актеры разыграют перед ней сцену Страшного суда и наглядно продемонстрируют, что происходит с самоубийцами после смерти. Подвал как раз подойдет. Попугают ее немножко. Потом вашу дочь снова отключат. Мы перенесем ее под окно и положим в то место, куда она упала, предварительно убрав страховочные подушки. Когда Алиса очнется, мысли о самоубийстве у нее как ветром сдует. Приблизительно так. Подкорректируем сценарий по ходу дела.

– Вы гений! – потрясенно заявила Василиса и выпила залпом бокал вина. – Только как я подскажу ей нужный способ? Непонятно. Доченька, не хочешь ли ты из окошка выкинуться?

– Этот момент я беру на себя, – успокоил Варламов. – Нужный способ Алисе подскажет человек, которому она безгранично доверяет. Вы в этот список не входите.

– Какой вы все-таки злой, – вздохнула Василиса.

– Если бы я был злым, то не взялся бы за это дело. Впрочем, у вас есть возможность все отменить. Самый лучший вариант – положить дочь в психиатрическую клинику, где специалисты вправят ей мозги.

– Я не могу... – с ужасом возразила Василиса. – Алиса мне этого не простит... Это ее унизит...

– Хотите сказать, что это унизит вас, когда журналисты пронюхают подробности? – с сарказмом спросил Варламов.

– Прекратите! – с раздражением сказала Василиса. – Хватит меня попрекать! Да, возможно, я не самая лучшая мать, но я пытаюсь исправиться.

– После спектакля вам представится такая возможность. Вам нужно будет окружить дочь вниманием и заботой. Ей будет очень тяжело возвращаться в этот мир. А сейчас ваша задача как можно быстрее устроить Алисе уроки живописи у Юлиана Дербеша.

– Юлиан? Значит, это он – человек, которому Алиса доверяет? – усмехнулась Василиса. – Браво, Варламов! Судя по вашим глазам, вы с ним уже все обговорили. Он согласен?

– Согласен, конечно. Он ждет вашего решения и моего сценария. Еще мне нужен доступ на территорию вашей балетной школы и в подвал, чтобы мои люди могли смонтировать декорации.

– Хорошо, у вас будет доступ в школу в любое удобное для вас время.

– Рад, что мы друг друга поняли, – улыбнулся Иван Аркадьевич и направился к выходу.

– Варламов! Вы куда? – окликнула его Василиса, но режиссер, не оборачиваясь, вышел за дверь.

Госпожа Берн посидела в задумчивости минуту и поманила к себе официанта.

– Двойной бурбон безо льда принесите, – хмуро попросила она. – Погодите, лучше водки. А еще лучше все и сразу. И лимон. Нет, лучше соленый огурец. К черту диету!

Глава 7

Комендант

Из машины Зотова вышла у ворот балетной школы, она хотела прогуляться и осмотреться. Яков Бурмистров встретил Елену Петровну здесь же. Высокий, подтянутый сорокапятилетний брюнет с военной выправкой и темными пронизательными глазами производил благоприятное впечатление. Настоящий офицер, хоть и в отставке. Венечка ничего компрометирующего на Бурмистрова не нарыл. Зотова внимательно изучила досье бывшего сотрудника ФСБ и тоже не нашла в нем ничего криминального. Отличный послужной список. Воевал в горячих точках, награжден, характеристика положительная, уволился по собственному желанию год назад. За рублем погнался или с начальством разногласия возникли? Причины для ухода в деле указаны не были.

– Очень рад вас видеть, Елена Петровна, – с улыбкой сказал Бурмистров. По выражению его лица было понятно, что Яков Сергеевич ее знает. Зотова как ни силилась понять, где они пересекались, – не могла. Спрашивать было неловко, поэтому Елена Петровна сделала вид, что тоже очень рада встрече со знакомым. Впрочем, Бурмистров мог просто слышать о ней и решил, что они когда-то пересекались.

– Ну, показывайте свои владения, Яков Сергеевич, – попросила Зотова, оглядываясь по сторонам. Балетная школа внешне совершенно не напоминала казарму. Огороженное высоким кирпичным забором четырехэтажное здание в стиле усадеб девятнадцатого века тонуло в высоких елях. К зданию вела дорога, вдоль которой стояли гипсовые скульптуры. Напротив парадного входа располагался большой фонтан. «Жаль, что сейчас зима», – подумала Зотова. Фонтаны она обожала.

Внутри помещение тоже не напоминало казарму, а выглядело как дворец. Венецианские люстры, картины в тяжелых бронзовых рамах, мраморная лестница, покрытая ковровой дорожкой. Елена Петровна отчего-то представила дам в вечерних туалетах и мужчин во фраках, а не сопливых балерин в пачках.

– Вы озябли, наверное? – с улыбкой спросил Бурмистров, обивая снег с валенок в холле. Зотова сделала то же самое, с удивлением косясь на ноги отставного офицера. На фоне отделанного мрамором и венецианской штукатуркой холла валенки смотрелись довольно странно. Бурмистров уловил ее взгляд и улыбнулся. – Одолела болезнь аристократов, другую обувь не могу носить. Да и мраморные полы не слишком располагают к лаковым штиблетам.

Елена Петровна с пониманием кивнула. Она сама с удовольствием сменила бы сапоги на валенки. Ноги в последнее время совсем обнаглели, носили с трудом.

– Красиво у вас, – искренне похвалила Зотова.

– Василиса Андреевна любит роскошь. Пойдемте, я вас чайком угощу. У меня в кабинете, конечно, не так нарядно, но чай я вам гарантирую царский. Сам смеси делаю. Летом собираю травы и ягоды, сушу, комбинирую состав. Потом всю зиму наслаждаюсь ароматом лета.

– Звучит привлекательно, хотя я больше кофе люблю, – намекнула Зотова. Бурмистров намека не понял.

– Вы какой чаек предпочитаете? Бодрящий или расслабляющий?

– Бодрящий и пободрее, – пошутила Зотова. Яков Сергеевич шутку оценил, и смех коменданта эхом прокатился по длинным гулким коридорам здания.

Кабинет Бурмистрова в самом деле ничем примечательным не выделялся, но здесь было уютно и светло. Большой письменный стол, компьютер, кожаное кресло, книжный шкаф, сейф, небольшой диван и журнальный столик для посетителей. На паркетном полу – старомодный ковер. В углу – современная печка-буржуйка. Отдельный стол с чайными принадлежностями.

Яков Сергеевич усадил Елену Петровну на диван, подбросил в печь поленья, сверху поставил медный чайник.

– Комнаты девочек на втором и третьем этажах. Там теплее. На четвертом – залы для занятий и кабинеты для обучения. А на первом – парадный зал, столовая, рабочие кабинеты, – рассказывал Бурмистров, аккуратно расставляя на столике бумажные пакетики с заваркой. Яков Сергеевич вел себя так, словно уходил от главной темы разговора. Зотова мельком взглянула на часы. Засиживаться в гостях у Бурмистрова времени у нее не было.

– Перед смертью Вероника отправила матери эсэмэс, в котором сообщила, что не придет, потому что каникулы проведет с неким Яшей, – сказала Зотова.

Бурмистров замер на мгновение, насыпал в пузатый чайник заварки и обернулся.

– Вы решили проверить, не я ли Яша? Польщен, – гоготнул Бурмистров. – Я бы не прочь с молоденькой балеринкой роман закрутить, да они от меня носики воротят. Старпер я для них. Вот что я вам скажу, уважаемая Елена Петровна: не было у нашей Веронички никакого Яши. Не до мальчиков ей было. Она была одержима балетом. С утра до вечера у станка. Доказать всем пыталась, что не зря Василиса Андреевна на нее ставку сделала. Честно говоря, особого таланта у Колесниченко не было, она трудолюбием и одержимостью Василису взяла.

Бурмистров снова отвернулся, налил в керамический чайник кипяток. Зотова слегка опешила:

– Василиса Андреевна другого мнения по поводу Колесниченко. Она считала девочку очень перспективной.

– Перспективная балерина и талантливая – разные вещи. Впрочем, какая уж теперь разница, – вздохнул комендант. – Веронику не вернешь. Я корю себя, что лично не посадил ее на поезд. Если бы я знал...

Комендант поставил на поднос чашки, чайник, вазочки с конфетами и пряниками и отнес на журнальный столик. Сам присел рядом. Нос защекотал чудесный аромат мяты, земляники и тархуна.

– Это вы на вокзал Колесниченко отвезли?

– Да, только не на вокзал. Я ее до Внукова довез, купил билет на экспресс, следующий на Киевский, и посадил в поезд. У меня обострение подагры в тот день случилось. Машину еще как-то вел, а ходить не мог.

– А во сколько это было, не помните?

– Как же не помню, помню, около пяти вечера. Экспресс до Киевского вокзала отходил в пять пятнадцать. Она как раз на семичасовой поезд успевала.

– До Киевского ехать минут сорок, сойти по дороге она не могла. Значит, Вероника приехала на вокзал в шесть.

– Да, она приехала на вокзал в шесть и позвонила мне. Отчиталась, что добралась нормально. Дурак я! Надо было ее до Киевского на машине везти, но снегопад был, я боялся в пробку попасть на въезде в Москву. Да и ноги у меня разболелись. Кто бы мог подумать, что такое случится! Вокзал ведь оживленное место, кругом люди, полиция. А Вероника девушкой серьезной была. По своей воле она с посторонним бы никуда не поехала. – Бурмистров покачал головой и сел рядом с Еленой Петровной. Он накрыл чайник полотенцем. – Сейчас заварится маленько... Чувствуете аромат?

– Да, аромат волшебный. Вы предполагаете, что Веронику заманил в ловушку кто-то из знакомых?

– А как иначе можно взрослую девушку в здравом уме из многолюдного места увезти? Я вот еще о чем подумал: вам не приходило в голову, что сообщение написал убийца?

– Который дал прямую наводку на вас, обозначив в сообщении ваше имя? – спросила Зотова. Бурмистров с интересом посмотрел на Елену Петровну. Зотова кивнула: – Да, мы

такую версию рассматривали. Сообщения были отправлены в промежутке между четвертью седьмого и четвертью восьмого вечера.

– Приятно говорить с умной женщиной, – улыбнулся Бурмистров, разлил чай по чашкам и придвинул одну Елене Петровне. – Осталось понять – почему. Какой прок от этого убийце?

– А вам самому в голову никаких идей на этот счет не приходит? – уточнила Елена Петровна, отхлебнула чайку и почувствовала настоящее блаженство. Да, чай комендант делал божественный!

– Честно говоря – нет, – пожал плечами Бурмистров. – Вы прянички-то берите. Свежие.

– Спасибо. Нельзя исключать, что Колесниченко сама написала сообщения и с вокзала уехала сама, без принуждения. Предположим, к кому-то, с кем договорились заранее. Имя Яша просто пришло Веронике в голову, потому что вы были последним, с кем она контактировала. Вы после Внукова вернулись в школу или домой поехали?

Зотова взяла пряник, откусила и положила на блюдце. К горлу подкатила липкая тошнота. Да что это с ней такое? Может, у нее анорексия началась?

– Я в школе живу постоянно. Квартиру бывшей жене и сыну отдал после развода. От Внукова до школы ехать пятнадцать минут. В половине шестого я уже был здесь. Может, чуть раньше. Не помню точно.

– Значит, вы утверждаете, что никаких связей с молодыми людьми у Вероники не было?

– Точно. Меня Василиса Андреевна для этого и наняла, чтобы я за девочками следил внимательно. Я им как мамаша-наседка, – усмехнулся Бурмистров. – Глаз с них не спускаю ни днем, ни ночью.

– Увлечения у Колесниченко какие-то были помимо балета? Хобби? – спросила Зотова, а сама подумала, что комендант слишком высокого о себе мнения: уследить за всем невозможно, потому что Интернет никто не отменял. Девочки вполне могут знакомиться и оболащивать мальчиков в социальных сетях и на бесчисленных форумах. Исключение возможно, если комендант нарушает право девочек на частную жизнь и втихаря проверяет их переписку и общение в Интернете.

– Хобби у Вероники было. Она собирала репродукции картин художника Юлиана Дербеша.

– Что-то я о нем слышала... – кивнула Зотова. – Или репортаж видела. Вроде бы очень талантливый молодой художник.

– Не знаю, – пожал плечами Бурмистров. – Я в живописи не разбираюсь. Впрочем, уверен, не в таланте дело. Страдать по реальным мальчикам им не положено, вот они и ищут себе кумиров в среде знаменитостей. Кто-то от музыкантов тащится, кто-то от актеров, кто-то от балерунов. Это нормально в их ситуации.

– Думаю, что это ненормально, – возразила Зотова и сменила тему: – С кем Колесниченко была ближе всех из девочек? Не может же быть, что она совсем ни с кем не общалась.

– Общалась. Говорят, у Вероники была близкая подруга, но девочку отчислили. Колесниченко больше ни с кем не смогла наладить контакт.

– Вы про девочку, которую из-за беременности отчислили? Мне Василиса Андреевна эту историю рассказала, – уточнила Елена.

Бурмистров некоторое время молчал.

– Я не в курсе той истории, – неохотно поделился Яков Сергеевич. – В то время я еще здесь не работал. Да, из-за беременности. Василиса Андреевна говорила, что девочка была очень талантливая. Если бы не сгруппила, то добилась бы невероятных высот.

– Мне бы ее данные узнать. Может, дело подруги Колесниченко осталось в архиве?

– Дело-то, конечно, осталось. Только у нас архивом секретарь заведует, Светлана Петровна. На каникулах она. Уехала к дочери в Самару. Позвоните после Нового года. Впрочем, зачем ждать? У Василисы Андреевны поинтересуетесь. Она должна знать имя этого ребенка.

– Спасибо, я так и сделаю.

– Возвращаясь к теме нашего разговора. Я думаю, Колесниченко не была сильно опечалена отчислением подруги. Девочка эта отчисленная, Юлей, кажется, ее звали, была фавориткой Василисы Андреевны. Когда ее выгнали, освободилось место для Вероники. Сомневаюсь, что они общались дальше. Наша школа – довольно закрытая система, и контакты с внешним миром ограничены. С другими девочками, как я говорил, дружба у Вероники не сложилась. Били ее даже пару раз.

– Кто?

– Всем миром, как говорится. В душевой зажали, и каждая свою лепту внесла. Благо, ничего не повредили, отделалась синяками и царапинами.

– Кто зачинщица избиений, выяснили?

– Танька Трушина, мелкая и злая, как волчонок. Как раз с ней у Колесниченко чаще всего стычки были. В основном на социальной почве.

– В каком смысле? – не поняла Зотова.

– Таня из богатой семьи. Ее отец, Георгий Владимирович Трушин, – известный ресторатор. Мама – в прошлом известная модель Кристина Петровская.

– Вроде знакомое имя.

– Вряд ли вы ее знаете. Она шестнадцать лет назад ушла из модельного бизнеса. Очень красивая женщина была. Впрочем, Кристина Витальевна и сейчас красавица. В кого Танька пошла – непонятно. Я рост имею в виду, – улыбнулся Бурмистров. – Родители в Тане души не чают и балуют. У нее есть все, о чем может мечтать любая девочка. Помимо всего прочего, отец Трушиной является главным спонсором школы. Танька королевой себя здесь считает и пытается всех строить. У Вероники другая материальная ситуация была. Плату за обучение у отчима каждый раз приходилось выколачивать. Колесниченко это знала и комплексовала сильно. Я уже не говорю о том, что денег на карманные расходы Веронике почти не давали. Не понимали они, что девочке разные мелочи нужны, косметика там, одежда модная, тот же мобильник. Мать ей присылала одежду и продукты, над которыми все девочки смеялись.

– Что за продукты? – не поняла Зотова. Она не могла представить, что продукты могут быть смешными.

– Разносолы всякие, варенье домашнее, сало.

– Что же в варенье и сале смешного?

– Шут их знает, дур бесполезных! Они же все на диетах сидят, чтобы задницы не выросли. С этим все строго. Никаких чипсов, пицц, гамбургеров, сладостей, газированных напитков и прочей муры, которую так любят подростки. Честно говоря, я на тайные походы девочек в магазин за сладостями и булочками закрываю глаза. Жалко мне их. Они злые, потому что голодные. Здоровую пищу, которую здесь для них готовят, есть невозможно. Все пресное, несоленое – мерзость. – Яков Сергеевич скривил лицо. Зотова изобразила на лице похожее выражение. – Эх... Я бы сейчас от салыца не отказался, – хлопнул себя по коленям Бурмистров. Зотова сглотнула слюну, отметив, что впервые после отравления у нее появился аппетит. Девочкам она искренне сочувствовала. Лишать подростков такого удовольствия, как нормальная пища, – кощунство. Комендант продолжил: – Василиса Андреевна выплачивала Колесниченко стипендию, чтобы девочка совсем уж ущербной себя не считала. Трушина про это прознала и стала травить Колесниченко тем, что если бы не спонсорские взносы ее отца, то Вероника бы на паперти с протянутой рукой стояла. Трушина била в самую болезненную точку, она это умеет. Остальные подпевали. Колесниченко Трушину за это ненавидела. Отношения были настолько враждебными, что я бы не удивился, если бы мы нашли труп Трушиной. А вон как вышло...

– Значит, основная причина конфликта между девочками – личная обида. Трушина, уверенная в своей исключительности, не могла простить Веронике, что Василиса Берн выбрала фавориткой ее.

– Ну да. Вы все верно поняли. Вероника в свою очередь пыталась доказать, что способна стать звездой без богатеньких и любящих пап и мам, которые готовы ради своего чада на все.

– Координаты Трушиной не дадите?

– Координаты... Может, вы с Таней сейчас хотите поговорить?

– Трушина здесь? – удивилась Зотова. Нахождение «золотой» девочки во время каникул в школе никак не стыковалось у Елены Петровны в голове с любящими обеспеченными родителями.

– Здесь она. На пару дней уезжала и вернулась. Пытается Василисе Андреевне доказать, что она – трудолюбивая девочка и даже в каникулы занимается у станка. Прежде такого рвения за ней не наблюдалось.

– Готовится стать новой фавориткой госпожи Берн? – с усмешкой спросила Зотова, но в душе шевельнулось что-то неприятное. Бурмистров не ответил, но в его глазах читался ответ, что Елена Петровна думает правильно.

– Когда Трушина домой уезжала и когда вернулась?

– За день до отъезда Колесниченко Таню забрали родители. Девятнадцатого декабря это было, под вечер. Веронику я отвез на вокзал вечером двадцатого. Вернулась Трушина... – Бурмистров задумался. – Вернулась Таня двадцать второго. К вечеру.

– Как раз в тот день, когда тело Колесниченко нашли в Ульяновском лесопарке, – сказала Зотова. – Это место в двух километрах отсюда. Близко.

– Да, но не тратьте напрасно время. Таня непричастна к убийству. Не тот она человек.

Елена Петровна допила чай, отставила чашку в сторону и поднялась:

– Спасибо за чаек. Необыкновенно вкусно! Мне бы еще комнату Вероники посмотреть.

– Сейчас отсыплю вам заварки и провожу. Танька сейчас в зале должна быть. Пока вы будете осматривать комнату Колесниченко, я ее вызвоню, – засуетился комендант, резко поднялся и снова сел с гримасой боли.

– Да вы сидите! Объясните просто, как найти комнаты девочек. Я сама схожу, – забеспокоилась Зотова.

– Без проводника в наших пенатах только смерть можно найти, – рассмеялся Бурмистров. – Так и крутится в голове крылатое выражение из «Чародеев»: «Кто так строит! Ну кто так строит», – пошутил комендант. – Я в порядке, просто неудачно встал. А когда расхожусь, так вроде и ничего.

Комендант поднялся и поковылял к своему волшебному чайному столику.

Нагруженная ароматными чайными мешочками, Зотова вышла с Бурмистровым в коридор.

– Скажите, пожалуйста, Яков Сергеевич, а как отец Тани относился к тому, что, несмотря на спонсорство, фавориткой Василиса Андреевна сделала не его дочь?

– Ясное дело – недоволен был. Он товарищ серьезный, тоже любит, чтобы все по струнке ходили. Пытался наезжать, но разве против Василисы попрешь?! Она хоть и выглядит лебедем, в душе кремень. Как решила, так и будет. Плевать ей на всех. Трушину она прямо сказала, что талант от денег не зависит. Танька на самом деле тоже талантливая, но ленивая. Думаю, поэтому Василиса сделала Колесниченко, а не Трушину, своей фавориткой. На втором этаже у нас мелкие. Девочки постарше на третьем, – по ходу объяснял Бурмистров.

Они поднялись на третий этаж, вновь пошли по длинным узким коридорам с бесчисленными дверями. Яков Сергеевич не обманул, в балетной школе без проводника можно было легко заблудиться.

– А что потом стало с девочкой, которая забеременела?

– Я же вам объяснил, не работал я тогда здесь, – немного резко ответил Бурмистров, застонал и остановился. – Простите... Лекарство забыл принять, дурень. Теперь расплачиваюсь. Вот комната Вероники – двадцать шестая, – указал он рукой на нужную дверь и открыл ее

ключом. – Проходите. Тут, правда, беспорядок. Коллеги ваши осмотр проводили. Я ничего не трогал после их ухода. Вдруг дополнительные улики понадобятся найти. Как знал, – улыбнулся Яков Сергеевич. – А я с вашего позволения пойду. Дела... Таньку сейчас пришлю. Ее комната тридцатая. Она вас к выходу потом проводит. Звоните, если нужна будет информация. Всегда к вашим услугам. – Комендант поклонился, ясно дав понять, что аудиенция окончена.

– Идите, конечно, – с сочувствием сказала Зотова. Ей стало неловко, что она проволочла по лестницам и коридорам человека с больными ногами. У нее самой ноги гудели, она даже физически чувствовала, что стоять коменданту тяжело.

Бурмистров поцеловал Елене Петровне руку и поковылял обратно. Зотова задумчиво посмотрела ему вслед и вошла в комнату Вероники Колесниченко, в которой коллеги устроили настоящий бедлам. На полу среди прочего хлама валялся одинокий балетный пуант, и сердце в груди болезненно сжалось.

Елена Петровна подняла пуант, села на кровать и огляделась. В отличие от роскоши холлов комната выглядела довольно аскетично: белые стены, светлые занавески, минимум мебели. Только необходимое для жизни и учебы: письменный стол, лампа, стул, шкаф, книжная полка, кровать, тумбочка, умывальник. В прихожей – небольшая вешалка для верхней одежды, зеркало и полочка для обуви. Здесь, в этой маленькой скромной комнате, в каждой вещи жили мечты юной балерины о будущем, славе, успехе и счастье. Мечты превратились в хлам из-за какой-то паскуды, которая лишила девочку жизни.

Елена Петровна отложила пуант и подняла с пола тонкий глянцевый журнал. Это был каталог работ художника Юлиана Дербеша. На первой странице помещался фотопортрет самого художника. Увлечение Вероники Колесниченко стало понятно Зотовой. С глянцевой странички на нее смотрел приторный белокурый красавчик, с томным взглядом синих глаз. Для шестнадцатилетней девушки влюбиться в такого болвана вполне естественно. Зотова вздохнула, пролистнула странички и зашвырнула каталог на стол. Ничего выдающегося в работах Дербеша она не нашла. Возможно, потому, что, как и Бурмистров, в живописи была не сильна. В балете, впрочем, тоже. Из всех направлений искусства она любила классическую музыку Шопена и высокое художественное кино. Такое кино, которое снимал гад Варламов. Что он там снимает сейчас? Философскую драму «Крылья демона». Совпадение не слишком нравилось Елене Петровне, но философствовать с режиссером на эту тему Зотова была не готова. Ивана Аркадьевича она даже видеть не могла.

В комнату заглянула рыжеволосая девушка, упакованная в черное трико.

– Что вам от меня надо? – не слишком вежливо поинтересовалась она. Голос у нее был с хрипотцой. Характеристика, данная Бурмистровым, была точной: Таня Трушина была похожа на маленького злого волчонка. Ее зеленые глаза смотрели на мир с ненавистью и презрением, которые девушка даже не пыталась скрыть.

– Идите к себе. Через пару минут я к вам загляну, – попросила Елена Петровна. Трушина изобразила на лице недовольство, но спорить не стала и скрылась за дверью.

Глава 8

Волчонок

26 декабря

В отличие от Вероники Таня Трушина в комнате жила не одна, но соседка ее явно уехала встречать Новый год с семьей. Одна половина комнаты выглядела нежилой. На половине Трушиной бурлила жизнь. Перед занятием в зале девушка явно украшала комнату новогодней мишурой. На подоконнике стояла маленькая искусственная елка. На столе вперемешку с очистками от мандаринов и фантиками от конфет лежали новогодние шары и игрушки, гирлянды, открытки и прочая новогодняя атрибутика.

Елена Петровна вздохнула. До Нового года меньше недели, а она даже не представляет, где и как будет справлять праздник. Да и не до праздника ей сейчас. Голова забита совсем другими проблемами.

Трушина встретила ее недобро. Девушка сидела на кровати и покачивала натруженной ножкой, утянутой в трико. Руки скрещены на груди. Взгляд нахальный.

Елена Петровна прошла по комнате и застыла напротив Трушиной. Над головой балерины висел плакат с изображением молодого патлатого парня с гитарой. Музыкант был похож на Джона Леннона, только с чудовищным макияжем и пирсингом.

– Это что, пародия на Джона Леннона? – поинтересовалась она.

– Издеваетесь? Это солист современной популярной панк-рок-группы! Они за мир и против войны.

– Понятно, – пожала плечами Елена Петровна и подумала, что девочкам в самом деле нечем заняться в этой богадельне. Колесниченко увлекалась модным художником, Таня Трушина фанатеет от какого-то отморозенного музыканта. Бедные балеринки. В шестнадцать лет надо с земными мальчиками встречаться. Елена Петровна выдвинула стул из-за стола и присела напротив балерины.

– Вы не имеете права меня допрашивать без присутствия адвоката и родителей. Я несовершеннолетняя.

– А просто поговорить мы разве не можем? – спросила Зотова.

– Знаю я ваши разговоры! У вас диктофон в сумке. Ляпну что-нибудь, потом запись к делу приложите, и тью-тью. Таня Трушина попала.

– Тебе есть что скрывать? – поинтересовалась Елена Петровна, положив на стол диктофон и включив кнопку. – Да, я собираюсь записывать наш разговор. Мне для работы это необходимо. Если тебе нечего скрывать, то и беспокоиться не о чем. В любом случае в качестве доказательства запись использовать нельзя.

– Всем есть что скрывать! – выпалила Таня и буркнула, с опаской косясь на диктофон: – Ладно, что вы хотите узнать? Хотя я сама знаю, что вы спрашивать будете.

– Интересно, что же?

– Почему я Вероничке тумаки раздавала, что же еще?

– Ты очень проницательная девушка. Да, мне Яков Сергеевич говорил, что у тебя с Вероникой постоянно были стычки. Я также знаю, что с твоей подачи девочки два раза избили Колесниченко в душевой. На какой почве разборки возникали?

Таня закусила нижнюю губу. Помолчала немного, хмуро глядя на Елену Петровну.

– Про мертвых плохо не говорят, конечно. Честно – я в шоке, что Веронику убили. Но она такой гадиной была! Грех морду не набить!

– Поэтому ты решила взять на себя миссию правосудия?

– Да какая там миссия! – махнула худенькой ручкой Трушина. – Ну просто... Просто вы не знали Веронику. Она такая... – Трушина на минуту задумалась, подбирая нужное определение. – Вы, к примеру, как к соплям относитесь?

– В каком смысле? – не поняла Зотова.

– В прямом! К зеленым скользким мерзким соплям. Так вот, Вероника была как сопля. Противная и скользкая. Она нарочно всех провоцировала на конфликт, чтобы потом Василиса Прекрасная ее жалела, а нас наказывала. Главное, у нее получалось отлично! Нас потом муштруют, а Вероничка стоит – глазки в пол, изображает из себя сироту казанскую. Ну сама невинность! Ой... – испугалась Таня. – Кажется, я что-то все-таки брякнула. Вы, пожалуйста, не говорите Василисе Андреевне ничего.

– О чем?

– Ни о чем! Ни о чем не надо ей говорить. Накажет.

– Да ты вроде ничего такого не сказала, за что можно наказывать.

– Вы просто не знаете, – затараторила Таня. – Я сама не знаю. Короче, не надо. Я все буду отрицать.

– Не волнуйся, я не собираюсь ничего рассказывать Василисе Андреевне. Давай вернемся к нашему разговору. Если человек кому-то неприятен, это ведь не повод, чтобы его убивать.

– Чтобы убивать – не повод. Я ведь и не убивала Веронику! А чтобы морду набить – повод вполне подходящий, – обстоятельно заявила Трушина, и Елена Петровна в душе была с ней полностью согласна. Несмотря на злость, которая бурлила у Трушиной в крови, Таня ей неожиданно понравилась своей прямоотой. С первого взгляда балерина казалась искренней. Однако вычеркивать девушку из списка подозреваемых было рано. Смерть Вероники Колесниченко освободила Трушиной дорогу на место лучшей ученицы. Возможно, Таня сама к убийству руку не приложила, но кто-то мог ей в этом помочь. Например, влиятельный отец, которому надоело видеть любимую дочку на вторых ролях. Или горячий поклонник. Или киллер, которого Трушина вполне могла нанять, сэкономив на карманных расходах.

– Таня, давай ты на минутку забудешь, какой плохой была Вероника. Какой бы она ни была, талантливей или бездарной, злой или доброй, ей было всего шестнадцать лет. У нее были мечты и надежды, такие же, как у тебя, – добиться успеха в балете, стать примой, блистать на сцене. А ее убили с особой жестокостью.

– С жестокостью? – робко уточнила Таня.

– Да, а прежде чем убить, морили голодом, не давали несколько дней пить, издевались. Согласись, Вероника не заслуживала подобной участи. Никто такой участи не заслуживает.

Глаза Трушиной неожиданно наполнились слезами, она шмыгнула носом, закрыла ладошками лицо и зарыдала. Елена Петровна не ожидала подобной реакции. Истерика Трушиной с каждой минутой усиливалась. Зотова поискала воду, нашла на подоконнике бутылку минералки, налила в стаканчик и дала Тане.

Трушина немного успокоилась, от рыданий ее лицо порозовело и казалось детским и наивным. Перед ней сидел ребенок, который в силу обстоятельств должен быть сильным и отвоевывать кулаками у мира свой кусок счастья.

– Я не понимаю, что вы от меня хотите? – шмыгнула носом балерина. – Почему вы мне это рассказываете? Я не хочу ничего знать. Мне страшно.

– Тебе кто-то угрожает? – напряглась Зотова.

– Нет, – удивилась Таня. – Я так просто сказала... Все эти подробности... Я не хочу их знать.

– Танечка, дело очень серьезное. Если вдруг ты заметишь что-то необычное, обязательно мне позвони. Я визитку оставляю. Или Якову Сергеевичу сообщи. Понимаешь, человек, который убил Веронику Колесниченко, либо пристально следил за ней, либо был знаком с ней лично. Не исключено, что убийца где-то рядом и подбирает себе новую жертву. Пока мы не

поняли мотива, но очевидно то, что убийцу мало интересуют обычные девушки. Он выбрал лучшую.

– Боже мой, скоро я буду лучшей! И меня тоже убьют? – Таня закрыла ладошкой рот.

– В стенах школы, я думаю, тебе ничего не угрожает. Да и повода для беспокойства пока нет. Это только мои предположения, ничем не подкрепленные. Может быть, ты поделишься со мной своими подозрениями? Ты кого-нибудь подозреваешь в убийстве Вероники Колесниченко?

– Нет, – помотала головой Таня. – Веронику никто не любил, но чтобы убить... Нет...

– Может быть, ты замечала какие-то странности за Вероникой в последнее время? Что-то необычное в ее поведении?

– Да нет вроде. Хотя... В последнее время у нее совсем башню снесло на почве звездной болезни. Она такая противная стала! Еще бы, танцевать на сцене Большого – это круто.

– Колесниченко брали в Большой театр? – удивилась Зотова.

– Ну да, Василиса Андреевна постаралась. Колесниченко сразу после Нового года должна была подписать контракт на одну из ведущих партий в балете «Лебединое озеро».

– Умер лебедь... – тихо сказала Елена Петровна.

– Что вы сказали?

– С кем из девочек у Вероники были близкие отношения? – проигнорировала вопрос Зотова.

– Ни с кем. Она никого к себе не подпускала. Вероника даже жила в отдельной комнате. Сначала они вместе с Юлей жили. После ее отчисления Василиса Андреевна к Веронике других девочек подсаживала, но ни с кем наша звезда не уживалась. После нескольких ужасных склок между соседками Василиса Андреевна плюнула и оставила комнату за ней. Как королева жила, короче.

– А с девочкой, которую из школы отчислили, Вероника продолжала общаться? – спросила Зотова. Зеленые глаза Тани стали большими, как блюдца. Некоторое время она сидела тихо, вытянувшись в струнку, осмысливала вопрос.

– С Юлькой Дербеневой? Нет, не общались они, – глухо отозвалась Таня и снова притихла, глядя на Зотову испуганными глазами. Вскоре внезапный страх Трушиной проявился. – Скандал такой был, мама не горюй, – вздохнула Таня. – Юлька в ногах у Василисы валялась, просила простить. А что прощать-то? Валяйся не валяйся, а дело сделано. Сама виновата. Предохраняться надо было. Так вот ваша Вероника первая от Юльки отвернулась! Подруга, блин, закадычная называется. Боялась, видно, что Василиса ее взашей тоже выгонит за компанию. Они в одной комнате жили и погуливали вместе. – Таня в упор посмотрела на Елену Петровну злыми глазами и скрестила худые ручки на груди.

– У тебя координаты Дербеневой не остались?

Таня отрицательно покачала головой:

– Был номер мобильного. Я пыталась звонить, но Юля номер сменила. Я даже ходила к ней с девчонками, поддержать ее хотели. Она сама из Питера. Родители в Москве квартиру снимали, чтобы быть рядом с дочерью все время. Короче, приперлись мы к ней с девками, а в квартире другие люди живут. Наверное, Юля с предками в Питер вернулись. Жаль, что так все вышло! Юлька танцевала, как дышала. Надо же такой душой быть! Сделала бы аборт, как Василиса предлагала. Нет, уперлась, и все. Вот такая се ля ви, – вздохнула Таня.

– Василиса Андреевна хотела, чтобы Юля сделала аборт? – переспросила с недоумением Зотова.

– Ну да, Юля хотела родить, а потом вернуться. Василиса Андреевна сказала: родишь – обратно не приму и возиться с тобой не буду. Родители Юли тоже в шоке были, хотели даже на Василису в суд подать. Юля все равно решила рожать. Вообще ненормальная! Родить в пятнадцать лет!

– Василиса Андреевна мне говорила, что Юле было четырнадцать.

– Все правильно, залетела она в четырнадцать. Но дети же сразу после залета не рождаются, – с раздражением объяснила Трушина. – Сейчас Юльке пятнадцать с половиной, как мне. У нас день рождения почти в один день.

– Значит, Юля родила?

– Говорю же, не знаю! С тех пор Юля в школе больше не появлялась. Ушла – как отрезала. Могла бы и позвонить! Я как-то Василису спросила про Юлю, так она в такое бешенство пришла, что меня чуть не загрызла. Я могу ее понять. Она с Юлькой возилась несколько лет, всю душу в нее вложила.

– Отец ребенка, я так понимаю, никаких обязательств на себя не взял?

Таня хмуро посмотрела на Зотову:

– Мне Настя Чижова сказала, что слышала, как Василиса с парнем каким-то разговаривала у себя в кабинете на повышенных тонах. Вроде как он пытался координаты Юльки вывести. Короче, Василиса этого парня так отбрила, что больше он сюда не заявлялся. Мы решили, что он и есть папаша. Раз явился, значит, любил Юлю. Надеюсь, он ее нашел и все у них сложилось хорошо.

– Значит, имя отца ребенка ты не знаешь?

– Откуда? – округлила глаза Таня. – Вероника знала. Она Юльку на вечеринку пригласила, где все, собственно, и случилось. Юля такая наивная была! Вообще о жизни ничего не знала! В отличие от Вероники. Она хвалилась, что лишилась девственности в четырнадцать лет. У нее полно парней было. – Трушина сказала об этом с такой нескрываемой завистью, что Зотова не стала разубеждать девушку. По словам судмедэксперта, Колесниченко была невинна. Вероника все придумала, чтобы позлить своих заклятых «подруг». Она во всем хотела быть первой.

– Таня, а почему ты вернулась в школу? – ненавязчиво поинтересовалась Зотова и заметила, что Трушина изменилась в лице.

– Не ваше дело! – воскликнула она. – Захотела и вернулась. Это что – преступление?

Во дворе послышалось урчание мотора. Елена Петровна подошла к окну и отодвинула занавеску. К парадному входу подъехали «Газель», золотистый «Порше» и «Вольво» белого цвета. «Как у Варламова», – подумала Елена Петровна, собиралась отойти от окна, но вместо этого прилипла к стеклу. Из «Вольво» вышел именно он – Иван Аркадьевич Варламов собственной персоной.

Режиссер подошел к «Порше», распахнул дверь и... помог вылезти из салона красотке Василисе Берн.

– Ах ты, сволочь! – непроизвольно вырвалось у Елены Петровны. Режиссер словно почувствовал ее посыл и посмотрел на окно, где она стояла. Зотова резко задернула занавеску и отпрыгнула от подоконника. Таня Трушина, приподняв бровки, с удивлением за ней наблюдала.

– Красивое па, – ехидно заметила девушка, медленно поднялась, подплыла к окошку и оценила обстановку. – Батюшки светы! – театрально всплеснула она руками. – Василиса Андреевна со своим новым хахалем примчалась. Чего это вдруг? Не ждали мы ее сегодня...

– Вот и я не ждала, – озадаченно сказала Елена Петровна, посмотрела на Таню и нервно хихикнула: – У вас тут случайно черного хода нет?

– Нежелательная встреча? – с пониманием предположила балерина.

– Угадала, голубушка. Этот хахаль, как ты выразилась, – мой бывший жених, – вздохнула Зотова и покраснела до корней волос.

– Ничего себе водевиль! – Таня с интересом посмотрела на Зотову, словно оценивая ее заново. – Ладно уж, выведу я вас инкогнито. Есть тут у нас дверка одна волшебная. Даже Барабас не в курсе.

– Бурмистров? – уточнила с улыбкой Зотова.

– Угу, он самый. Барабас строго следит за нашим моральным обликом и питанием. Вообще-то он неплохой дядька, но, если узнает про волшебную дверку, мы тут все как мухи передохнем с голодухи, – пожаловалась на свою нелегкую балетную долю Трушина. – Дайте мне честное слово, что ничего ему не скажете!

– Клянусь, – серьезно сказала Зотова, но в душе улыбнулась.

Таня аккуратно отодвинула занавеску. Елена Петровна пристроилась рядом и удивилась в очередной раз.

Ни одной машины под окнами не наблюдалось. Таня озадаченно уставилась на Елену Петровну:

– Странно... Уехали уже...

– Возможно, машины уехали, а гости остались, – сказала Зотова. – Выведешь меня, как обещала?

– Таня Трушина свои обещания всегда выполняет, но и вы про свои не забудьте, – с достоинством заявила девушка. – Хотя я бы на вашем месте не пряталась, а вышла и морду набила.

– Кому? – уточнила Елена Петровна.

– Обоим, – хихикнула Танечка, натянула на ножки угги, набросила пушистую шубку и кивком головы пригласила Елену Петровну следовать за ней.

«Знала бы Таня, как страстно я об этом мечтаю, – размышляла Елена Петровна, топая по коридорам балетной школы. – Именно поэтому и бегу. Боюсь, что не сдержусь, с лету дам Варламову в глаз и окажусь в идиотском положении». Ведь, по сути, режиссера бить не за что. Милейшую во всех отношениях госпожу Берн – тем более. Прима же не виновата, что хороша собой! Впрочем, если следовать логике Тани, то повод, чтобы набить морду Варламову, у нее есть, потому что он подпадает под определение «сопля» и под массу других нелицеприятных определений, характеризующих этого нехорошего человека.

Они спустились на первый этаж, но не по парадной лестнице, а, как объяснила Трушина, по пожарной, и оказались в темном, похожем на подъезд помещении. По помещению гулял сквозняк и было холодно. Елена Петровна направилась к двери с небольшим окошком из матового стекла, которая явно вела на улицу.

– Не сюда, – остановила ее Трушина и развернула к неприметной металлической двери под лестницей. – Это – вход в подвал, – прошептала Трушина, сняла с шеи ключ на веревочке и вставила его в замочную скважину. Ключ со скрежетом повернулся. Таня не без усилий потянула дверь на себя, в нос пахнуло затхлостью и отчего-то церковными свечами. – Заходите, пока не засекли, – прошептала Таня, впихнула Зотову в дверь и заперла ее изнутри. – Стойте, не двигайтесь, а то с лестницы кувыркнетесь. Сейчас я свет организую.

Таня пошарила по карманам, чиркнула зажигалкой и поводила ею по стене, пошарила рукой в небольшой нише в кирпичной кладке и выругалась. Огонек зажигалки потух, снова стало темно.

– Вот черт! Я тут фонарик заныкала, а его нет. Узнаю, кто из девок взял и не вернул, – руки оторву.

– А свет здесь не работает? – спросила Зотова, ее голос эхом отозвался в помещении. Судя по акустике, подвал был большим.

– Свет нельзя включать, – безапелляционно заявила Таня. – Некоторые окна подвала выходят на улицу. Барабас засечет и подвал закроет. Мы тут тогда совсем с тоски помрем. Сейчас, погодите. Машка Коровина здесь где-то свечку еще заныкивала. Где же, блин? – Трушина вынула один из кирпичей у пола и радостно воскликнула: – Есть контакт!

Таня снова чиркнула зажигалкой, и помещение осветилось огоньком небольшой свечи.

– Осторожно спускайтесь. Лестница крутая. И вообще не отходите от меня. Тут такие катакомбы, что сам черт ногу сломит.

Зотова, кряхтя, спустилась вниз.

– А что здесь, в подвале? – спросила она, озираясь по сторонам.

– Да ничего особенного! – Таня остановилась, пошарила по карманам, зашуршала пачкой сигарет. – Котельная тут. Трубы всякие. Сюда вообще лучше не ходить. Старое все, гнилое. Олеська пошла и так громыхнулась, руку чуть не пропоролла насквозь, – кивнула Таня куда-то влево. – Вроде прачечную здесь Василиса планировала, но потом передумала, потому что белье таскать в подвал и обратно неудобно, и сделала ее на первом этаже. А здесь, – Таня кивнула влево, – мастерская раньше была. Василиса, когда открывала школу, думала совместить обучение и театр. Школу раскрутила, а идея с театром так и заглохла. На балет сопливых дебютанток приходят только родители и их друзья. Потом, ехать сюда далеко из центра. Короче, не получилось. Теперь здесь хранилище старых декораций и реквизита к балетам. В общем, тут всякая рухлядь, а нам прямо – там тропа на волю, – усмехнулась Таня, нахально закурила сигарету и с наслаждением затянулась. Зотова решила не читать малолетней балерине морали, потому что сама курила в ее возрасте. Ну и остаться в катакомбах навсегда тоже не хотелось.

Не успели они отойти от лестницы на несколько метров, как у двери послышались какой-то шум и голоса.

– Барабас с Василисой! – испугалась Таня, раздавила сигарету ногой и, ухватив Зотову за рукав, помчалась в глубь подвала. Елена Петровна понеслась следом, ругая себя за то, что ввязалась в эту авантюру. Теперь как дура бежит по подвалам, вместо того чтобы чинно выйти через главный выход. Не девочка ведь – в казаки-разбойники играть! Свеча потухла, но Таня неслась вперед, словно видела дорогу в темноте, и тащила Елену Петровну за собой.

В помещении вдруг вспыхнул свет. От двери они были далеко, но Трушина сильно испугалась и запихнула Зотову в какой-то закуток между двумя трубами, при этом изрядно приложив Елену Петровну головой об одну из железок. Из глаз несчастной Елены Петровны посыпались искры. Зотова машинально осела на грязный бетонный пол и захлопала глазами, пытаясь вернуть зрению резкость. Таня конфуза не заметила, села рядом и приложила пальчик к губам. Собственно, это было лишним, Зотова была увлечена шишкой на лбу, которая росла прямо под ее пальцами. «Замечательно! Просто замечательно», – ругала она себя. От шишки ее отвлек требовательный голос Варламова, который звучал почему-то с другой от двери в подвал стороны.

– Капец, – прошептала Таня, выглянув из укрытия. – Мы в ловушке. Они воспользовались нашей волшебной дверкой. Она ведет к забору, где есть калитка, которой никто, кроме нас, никогда не пользовался. Странно... Выгружают что-то... Ой мамочки, я боюсь... Там адское что-то... Там... Там... головы человеческие на дыбе и мертвяки разложившиеся, – пролепетала Таня и хотела заголосить, но Зотова закрыла ей ладонью рот.

– Тихо, – прошептала она, встала на карачки, тоже выглянула из своего укрытия и сама чуть не заорала на весь подвал. То, что выгружали люди Варламова в подвал Василисы Берн, выглядело иллюстрацией к фильму ужасов.

Зотова озадаченно потеряла шишку и осоловело уставилась на Трушину. Девушка сидела с круглыми глазами и тряслась от страха. Наконец до Елены Петровны дошло, зачем режиссер Варламов прибыл сюда, и она нервно хихикнула:

– Танечка, успокойся. Это декорации! Варламов – известный режиссер. Он, видимо, договорился с Василисой Андреевной о съемках некоторых эпизодов своего фильма в подвале вашей школы.

В глазах Трушиной появилась осмысленность. Она выглянула снова из своего укрытия, оценила обстановку и затряслась уже не от страха, от истерического хохота. Зотова тоже с трудом сдерживалась, чтобы не заржать в голос. Смешно было и оттого, что она представила

выражение лица Ивана Аркадьевича, если он обнаружит ее на полу в подвале школы своей новой пассии. Елена Петровна прислушалась. Никаких посторонних шумов со стороны входа в подвал слышно не было. Возможно, кто-то открыл эту дверь лишь для того, чтобы включить свет.

– Пойдем обратно. Я уверена, что у входа никого нет. Василиса и Бурмистров помогают Варламову. Надо выбираться отсюда, пока нас не застукали, – прошептала Зотова. – Не бойся. Если нас обнаружат, я возьму всю вину на себя. Скажу, что уговорила тебя показать мне подвал.

– А ключ? Где я взяла ключ?

– Какой ключ, о чем ты? Дверь в подвал была открыта, – подмигнула Зотова. Трушина улыбнулась, заметила шишку на лбу Елены Петровны, и улыбка с ее лица сползла.

– Ого! – присвистнула балерина.

– До свадьбы заживет, – усмехнулась Елена Петровна и поднялась. Под ногой что-то хрустнуло. Они замерли и притихли, но на звук никто не обратил внимания. Зотова осторожно убрала ногу.

– Очки, – с удивлением сказала Таня, нагнулась, подняла треснувшую оправу и повертела ее в руках. – Странно, как они здесь оказались?

– Кто-то из девочек, наверное, потерял, когда за булками бегал, – улыбнулась Зотова, но Таня осталась серьезной:

– Это Вероникины очки.

– Уверена?

– Конечно, я сама их лично разбивала пару раз. Вот врушка! – зло сказала Таня. – Вероника с таким презрением относилась к нашим тайным походам в магазин и покурить. Такую рожу строила козью! А сама, значит, сюда втихаря бегала. И фонарик мой наверняка она умыкнула. Никто бы не посмел больше. Фальшивка она была! Фальшивка!

Таня швырнула очки на пол и потопала обратно, особо не заботясь о том, что ее обнаружат. Елена Петровна вытащила из кармана небольшой полиэтиленовый пакет, осторожно положила туда очки. Одно стекло в очках не пострадало, просто выдавилось. Елена Петровна и его сунула в пакет и торопливо пошла за Трушиной.

Как Зотова и предполагала, никого у заветной двери не оказалось. Сюда вошли лишь для того, чтобы включить свет в подвале. Они благополучно выбрались на волю. Таня проводила Зотову до парадного входа, вышла вместе с ней на крыльцо.

– Если Юльку найдете, привет ей передавайте, – сказала она хмуро. – От всех девчонок. Мы ее помним и любим.

– Обязательно передам, – пообещала Зотова и торопливо пошла к выходу, где ее ждала служебная «Волга» с водителем. Ей хотелось поскорее выбраться из тягостной атмосферы одной из самых престижных балетных школ.

Глава 9

Потоп

Водитель Славка посмотрел на нее с удивлением, но, так как был парнем немногословным, промолчал. Зотова достала зеркало из сумки и оглядела свой лобешник. Мало того, что шишка размером с грецкий орех, она где-то щеку покорябала. Елена Петровна сняла с волос паутину и отряхнула пальто. Такое впечатление, что она не в балетной школе была, а на помойке валялась. «Завтра синяки будут», – с тоской подумала она и сказала водителю, чтобы вез ее домой. Время приближалось к семи, а в желудке только чай. Бурмистров не обманул. Чай действовал тонизирующе. Бег по подвалу на бешеной скорости этому доказательство. Впрочем, настроения это не прибавило.

«Черт меня дернул вообще сюда приехать», – ругалась Зотова. Как делают все вменяемые следователи? Вызывают свидетелей для допроса в Следственное управление, а не мотаются где не надо и не лазают по подвалам балетных школ с юными балеринами. Несколько лет на оперативной работе до сих пор Зотову не отпускали. Приспичило увидеть всю изнанку школы собственными глазами, почувствовать, так сказать, чем жила убитая Вероника Колесниченко. Почувствовала в полной мере! Толку только нет никакого. Елена Петровна поняла, что находится в тупике. Она получила массу информации, но за какую ниточку тянуть – не понимала. Единственный человек, которому выгодна смерть Вероники Колесниченко, – Таня Трушина, симпатичная разбитная девочка. Зотова была согласна с Бурмистровым: вряд ли Трушина причастна к смерти Вероники. Однако отца Тани надо брать в разработку. Зотова внутренне этому сопротивлялась и надеялась, что все подозрения с семьи Трушиной будут сняты. На заказное убийство смерть Колесниченко не походила. Имеет ли преступление связь с балетом «Лебединое озеро», где Вероника так и не сыграла роль? Восхождение и смерть. Крылья и падение. Елена Петровна терялась в догадках: либо преступник маскирует заказуху под ритуальное убийство, чтобы увести следствие в сторону; либо, напротив, наглядно демонстрирует мотив своего поступка. Второе казалось Зотовой более вероятным. Если Веронику заказали, то вряд ли киллер или заказчик стали бы саму Зотову вовлекать в свою игру. К чему такие сложности? Разве что он сам творческий человек...

Если рассматривать убийцу именно как креативного товарища, почему он намекнул в эсэмэс на коменданта школы? Впрочем, с чего они вообще взяли, что крылья подбросил убийца? Нельзя исключать, что это свидетель, который все видел, знал, но боится по каким-то причинам открыто сдавать убийцу.

Разобрав первый ворох информации, Зотова окончательно запуталась. Одна надежда была на заключение экспертизы и Трофимова со Ждановым, которые работали со свидетелями и контактами Колесниченко.

В голове отчего-то навязчиво крутилась фамилия отчисленной девочки – Дербенева, Дербенева, Дербенева... Елена Петровна злилась, что не может понять причину. Ближе к дому Елена Петровна поняла, почему у нее ничего в голове не складывается в логическую цепочку. Она голодная!

Зотова попросила Славку остановить машину у ближайшего от дома магазина и бегом отправилась к прилавку мясных деликатесов. От созерцания прилавка ее отвлек телефонный звонок. Звонил Трофимов. Из трубки раздавались какие-то подозрительные звуки, охи, вздохи, причитания, шум воды и матюги самого Вениамина.

– Вень, ты где? – с беспокойством поинтересовалась Зотова.

– А вы сейчас где, Леночка Петровна? – преувеличенно бодро поинтересовался Трофимов, и Зотова поняла, что случилось что-то нехорошее.

– Сало покупаю в кулинарии, – напряженно сказала она.

– Вы это... Быстрее покупайте и домой идите. Только не пугайтесь, – заговорщически сказал Венечка.

– Что случилось?! – проорала Елена Петровна.

– Ах ты тварь! – выругался Трофимов.

– Что? – ошарашенно переспросила Зотова.

– Это я не вам, Леночка Петровна!

– Веня, ты где? Что там у тебя происходит?

– Не у меня, а у вас. Вернее, у вашей соседки сверху. Я это... Толчок починяю...

В трубке снова послышались матюги.

– Какой толчок, Трофимов? Веня!

Трофимов не отвечал. Елена Петровна сунула телефон в карман, расплатилась за сало и понеслась к дому.

Дверь в ее квартиру была открыта. Изнутри раздавалось истошное мяуканье Федора и матюги криминалиста Рыжова. Елена Петровна влетела в прихожую и обмерла: на полу было море разлитое, Федор сидел на шкафу. Зотова бросилась в ванную комнату, где Рыжов, мокрый и злой, вычерпывал совком воду с пола в ведро, а с потолка ему на голову лилась вода.

– Спокойствие, только спокойствие, Леночка Петровна! Мы с Венькой за крыльями приехали, а у вас потоп. Сантехника вызвали, скоро все будет хорошо, – успокоил ее криминалист.

– Трофимов наверху?

– Ага, пытается ликвидировать протечку. У вашей соседки сверху трубу от унитаза оторвало. Бегите туда, помогайте соседке воду собирать, чтобы меньше к вам просочилось.

– Володь, простыни в шкафу возьми и на пол брось, – скомандовала она, схватила охапку полотенец и рванула наверх.

У соседки бабы Зины по коридору плавали тапочки и прочий бытовой хлам. Вода разлилась по всей квартире. Сама баба Зина сидела на диване в позе лотоса, держала в руках икону Божьей Матери и невидящими глазами смотрела перед собой. Старушка явно находилась в шоке. Зотова проверила у соседки пульс, убедилась, что с ней все более-менее в порядке, и ринулась в туалет. Трофимов самоотверженно боролся с мощным потоком воды, который бил из трубы фонтаном.

– Вентиль сломался, перекрыть воду не получается, – проорал он, пытаясь заткнуть дырку подручными средствами.

Елена Петровна швырнула полотенца на пол, сняла сапог, отстранила Трофимова, изловчилась и заткнула дырку трубы пяткой. Поток мгновенно иссяк.

– Чума... – выдохнул Венечка. – В смысле, вы, Леночка Петровна, очень находчивая женщина. Я чем только не пытался: тряпками, пакетами, пальцем, даже свечкой!

– Не стой, воду убирай, – устало вздохнула Зотова. Труба шла горизонтально, и чтобы держать пятку на дырке, ей пришлось изловчиться и встать в балетную позу. Не зря она побывала в балетной школе, хоть какая-то польза!

Веня схватился за полотенце:

– Мы в диспетчерскую позвонили, а они говорят, что сантехник куда-то пропал. Обещали прислать аварийку. Сорок минут уже едут.

К туалету приплыла баба Зина, в руке она держала губку для мытья посуды и тазик. Выглядела старушка спокойной и слегка сумасшедшей. Нагнувшись, баба Зина начала собирать воду губкой и выжимать ее в таз. Трофимов незаметно покрутил у виска. Зотова пожалала плечами.

Наконец появилась аварийка. Два хмурых мужика быстро перекрыли воду, поставили новый шланг, соединяющий трубу с унитазом, и застыли с одинаковыми философскими выражениями на лицах.

– Спасибо! Всего хорошего! – рывкнула Елена Петровна. Мужики мгновенно испарились. Вода стала потихоньку убывать. Ясно куда – к ней в квартиру.

Баба Зина отмерла и запричитала, как плакальщица:

– Лена, прости меня, Христа ради! Я все тебе компенсирую! У меня гробовые есть. Петька, паршивец, два раза приходил. Все без толку!

– Баба Зина, да успокойся ты! Компенсирует она мне. Миллионерша нашлась, – ворчала Зотова, собирая остатки воды полотенцем. – Меня сын давно уговаривал ремонт сделать. Как раз повод подходящий. Не переживай – никаких претензий к тебе нет. А Петруше нашему я уши-то пооткручиваю, когда встречу. Алкаш несчастный!

– Вы про того Петрушу, который сантехник? – спросил Трофимов. – Я вчера пытался его разыскать, чтобы показания взять. В ДЭЗе мне адрес его дали и телефон, он вчера выходной был. Я на квартиру ездил и звонил – бесполезняк.

– Не приболел ли наш Петруша? – неожиданно забеспокоилась баба Зина.

– Как же, приболел, – ехидно заметила Елена Петровна. – В запое, видно, товарищ.

– Петька-то? Не похоже на него. Он хоть и алкаш, да не запойный. Не больше чекушки в день выпивает. На работе всегда как штык. Неплохой он парень, неплохой. Неприкаянный только! Пить начал с горя, как мать схоронил. Пять лет лежала. Он ее на себе тянул, все деньги на лекарства тратил. Учиться не пошел и не женился поэтому.

Зотова уронила мокрое полотенце на пол и выразительно посмотрела на Трофимова. Венечка понял ее взгляд.

– Ну, мы вроде тут все убрали. Пойдем мы, баба Зина, – сказала Елена Петровна, натянула на мокрый чулок сапог и вместе с Трофимовым вышла из квартиры.

В квартире Елены Петровны было темно. Из полумрака выплыл Рыжов со свечой и в трусах.

– Я воду убрал. Свет вырубился – проводка намокла. Электриков сейчас бесполезняк вызывать. Пусть просохнет все. Дня три, как минимум, вам придется без света пожить.

– Замечательно! Только этого мне для счастья не хватало! Жить без света, когда рядом пасется убийца! – вздохнула Елена Петровна, вырвала у Рыжова свечу и направилась в спальню.

Зотова переоделась в брюки и свитер. Невероятно, но форма, которая еще с утра сидела на ней в обтяжку, сейчас выглядела, как с чужого плеча. После смены одежды Елену Петровну ждал новый сюрприз.

Тесные недавно брюки легко сошлись на талии и оказались свободны в бедрах, пришлось даже ремень надеть. Натянув некогда узкий свитер, Елена Петровна с удивлением отметила, что впервые в жизни одежда ей велика! Лишние килограммы таяли буквально на глазах.

Пошарив в шкафу, Елена Петровна нашла старые вещи сына и выдала их коллегам. Видок у них стал, мягко говоря, странный. Рыжов был ниже сына на голову, Трофимов – выше. Володя принял шмотки смиренно. Стиляга Венечка, глядя на свое отражение в зеркале, соорудил такую физиономию, что Елене Петровне стало его жаль. Ничего, потерпит, не в мокрых же портках щеголять по морозу!

* * *

Сантехник Петя жил в соседнем доме. Через пять минут они втроем настойчиво звонили в его дверь, но Зотова уже чувствовала – бесполезно. Шутник вернулся и устранил свидетеля.

– Замок захлопывается снаружи, – сказал Рыжов.

– Вень, стоняй в домоуправление. Пригласи слесаря и управдома. Я участкового вызвоню, – попросила Елена Петровна и позвонила в дежурную часть.

* * *

Петя лежал на полу в прихожей и невидящими глазами смотрел в потолок. Вероятно, преступник пырнул его ножом, как только вошел в квартиру. Удар пришелся точно в сердце. Шансов выжить у Пети не было.

– Жаль парня. Собирался новую жизнь начать и не успел, – сказала Зотова.

– Леночка Петровна, гляньте, – пихнул ее Рыжов. На грязном линолеуме рядом с телом было написано кровью слово «Демон».

– Это он писал? – поинтересовалась Зотова.

– Похоже, да. У него указательный палец в крови. Возможно, написал и умер.

Вскоре на место преступления прибыли сотрудники местной полиции, судмедик Григорий Плешнер и следователь Андрей Жданов.

Смерть потерпевшего, по предварительной версии Плешнера, наступила около суток назад от проникающего ранения колюще-режущим предметом в область сердца. Предположительно между шестью и девятью часами вечера. Никаких следов и орудия преступления в квартире обнаружено не было. Версию Рыжова относительно написания потерпевшим слова «Демон» судмедик сразу поставил под сомнение.

– Лена, после такого ранения пальцами не пишут и даже не шевелят. Обрати внимание: крови вокруг раны почти нет. Это говорит о том, что потерпевший умер мгновенно. Конечно, нельзя полностью исключать, что это он писал, но я склонен полагать...

– Что убийца писал его рукой, – закончила мысль Зотова.

– На девяносто девять процентов.

– Это подтверждает нашу версию о том, что здесь побывал Шутник, – пришла к выводу Зотова и обернулась к Трофимову. Способ убийства другой, но ведь это он играет в Демона. – Веня, мне надо знать, как он здесь оказался. Хоть какую-то зацепку. Опрашивай свидетелей и без показаний не возвращайся. Меня уже достал этот неуловимый монстр!

– Демон, – поправил Зотову Венечка и испарился выполнять поручение.

– Леночка Петровна, – позвал ее Рыжов. – Кажется, нам повезло: около ручки двери с внутренней стороны остались чьи-то пальчики. Свежие совсем. На первый взгляд – женские.

– Странно, откуда здесь женским пальцам взяться? Моя соседка уверяет, что Петя был одинок. В квартире кошмарный бардак. Я сомневаюсь, что сантехник романтическое свидание незадолго до смерти устраивал.

– Это вы уж сами соображайте, – заврединчал криминалист. Зотова незаметно показала ему язык и подозвала к себе Жданова, который сосредоточенно строчил протокол осмотра места преступления. Елена Петровна нахально свалила на него черную работу.

– Андрюш, у тебя как дела по контактам Колесниченко? Что-нибудь интересное нарыл?

– Обижаете! Нашел я вашего Якова. Как вы и предполагали, он был зашифрован в телефонной книге под женским именем или прозвищем Барабаска. Колесниченко звонила Барабаске со своего телефона в шесть часов вечера. Выясняю личность.

Елена Петровна хихикнула:

– Не надо выяснять личность. Барабаска – это комендант балетной школы. Вообще-то ученицы называют его Барабас, но Колесниченко, видимо, относилась к коменданту с симпатией и поэтому прозвище немного смягчила. На самом деле Барабаску зовут Бурмистров Яков Сергеевич. Он подполковник ФСБ в отставке. Служил в горячих точках в том числе. Василиса наняла его год назад после того, как в школе случился неприятный инцидент с одной девочкой.

– Да, я в курсе этой истории и коменданта допрашивал, но имя как-то не ассоциировал с поклонником Колесниченко. Барабаска... – хмыкнул следователь. – Надо же так приличного мужика, подполковника обозвать!

– Он за куколками присматривает жестко. Думаю, отсюда и прозвище. Да, комендант мне сказал, что последний раз разговаривал с Колесниченко двадцатого декабря в шесть вечера. Девушка сообщила, что благополучно доехала до Киевского вокзала. Экспресс из Внукова как раз пришел на Киевский в шесть. Дальше дело темное.

– Потом Колесниченко позвонила Василисе Берн. Колесниченко звонила наставнице три раза. В восемнадцать часов пять минут, восемнадцать часов семь минут и в четверть седьмого, – сказал Жданов.

– Но Берн не ответила на звонки.

– Почему, на последний звонок наставница ответила, – возразил Андрей. – У меня в распечатке телефонных разговоров зафиксирована беседа, которая длилась минуту.

– Та-ак... – протянула Зотова. – Почему Василиса сказала мне неправду? Когда я Берн допрашивала, она сказала, что заметила звонки Колесниченко после девятнадцати часов вечера. Берн перезвонила Веронике в четверть восьмого. Вероника на звонок не ответила, а спустя пять минут прислала эсэмэс, что села в поезд и едет домой.

– Может, забыла? – неуверенно сказал Жданов.

– Не знаю. Как можно такую важную информацию забыть?

– Творческая личность, – философски заметил Жданов.

В квартиру вернулся довольный Трофимов.

– Есть контакт, Леночка Петровна! – доложил он. – Нашлась свидетельница, соседка с нижнего этажа, которая вчера около шести часов вечера видела, как к подъезду подкатила золотистая иномарка. Марку она не знает, говорит, маленькая и пучеглазая.

– «Порше», – заржал Жданов.

– Однозначно, – гоготнул Трофимов и продолжил: – Из машины вышла дама в шикарном норковом полушубке коричневого цвета и шляпке. Дама имела утиную походку и вошла в этот подъезд.

– Утиную, – заржал Жданов.

– Да что ты все ржешь, боже мой! – рассердилась Зотова. – Дай дослушать спокойно!

Андрей притих.

– Соседке стало интересно, к кому приехала столь элегантная дамочка, – продолжил Вениамин. – Короче, соседка утверждает, что дама поднялась на этаж выше, то бишь сюда, и позвонила в дверь над ее квартирой. Там как раз «апартаменты» Земцова. Потом соседка отвлеклась, у нее суп убежал. Но она видела в окно кухни, как минут через пять элегантная дама вышла из подъезда, села в машину и уехала.

– Да что это такое! – закатила глаза Зотова. – Золотой «Порше» и шоколадная норковая шубка у нашей несравненной Василисы Берн!

– А утиная походка на балетную вроде похожа, – сдерживая смех, сказал Жданов.

– Вот это номер, – ошарашенно сказал Трофимов. – Что Берн здесь делала? Убивала сантехника Петю?

– Это какой-то дурдом! – простонала Зотова. – Зачем известной меценатке, хозяйке элитной балетной школы, бывшей приме балета убивать нашего местного безобидного алкаша?

– Из эстетических соображений, – гоготнул Трофимов, но взглянул на Зотову и ржать перестал.

– Елена Петровна, а почему вы не рассматриваете версию, что это Берн вам крылья под дверь подбросила? – серьезно предположил Жданов. – Самой крылья в подъезд переть ей было не с руки. Тут и подвернулся местный алкаш. Берн его наняла, чтобы он крылья доставил на ваш этаж. Он поручение выполнил, а потом явился и рассказал вам занимательную историю про мужика с крыльями. Может, Земцов к вам приходил, чтобы детали прояснить, знаете вы что-то или нет?

– Какие детали? О чем? Я дело Колесниченко еще в глаза в тот момент не видела. А Земцов лыка не вязал, когда ко мне явился.

– Когда вам крылья подбросили, Колесниченко уже была мертва. А Земцов к вам приходил на следующий день. Может, его убийца отправил выяснять обстановку?

– Земцов ночью ко мне приходил. Кота принес. Он ходил-то с трудом, а ты говоришь – выяснять что-то пришел. Что я, пьяного от трезвого не отличу?

– Ну, допустим, он был пьян. Что это меняет? На место преступления потянуло Петю с пьяных глаз, вот он и явился. А потом, двадцать пятого декабря, мадам Берн заявила к нему в гости под предлогом выплаты вознаграждения и грохнула парня. Все логично.

– Андрей, из твоего предположения вытекает, что Веронику Колесниченко убила Василиса Берн.

– Ну?

– Что «ну»? Зачем Василисе Берн убивать свою лучшую ученицу?

– А хрен ее знает, – бесхитростно ответил Жданов и почесал затылок.

– Предположим, меценатка с ума сошла, – влез Трофимов.

– Замечательная версия! – с сарказмом ответила Елена Петровна. – Тебе не кажется, что визит сюда мадам Берн на приметном золотистом «Порше» – это как-то уж слишком театрально?

– Жизнь вообще театр, – философски изрек Венечка. – Разве такого не бывает, скажите мне? Не слышали разве: я тебя породил, я тебя и убью! – торжественно провозгласил Трофимов, сделав страшное лицо. – Наставники учеников разве не мочат? Может, она не планировала убивать. Деньги приехала заплатить, а сантехник попросил больше, и она...

– Или уже заплатила, но сантехник ее вычислил и начал шантажировать, – предположил Жданов.

– Мотив, Андрей! Мотив убийства Колесниченко?

– Элементарно! Допустим, у Берн профессиональная зависть разыгралась. Когда-то она ведь танцевала, но карьера оборвалась на самом взлете из-за травмы. Такое печальное событие не могло не оставить следа в психике. Неудовлетворение копилось, копилось... А Колесниченко делала стремительные успехи. Еще немного – стала бы примой и, возможно, переплюнула саму наставницу. Вот у нашей Василисы внезапно и случилось помутнение рассудка.

– Вполне рабочая версия, – оживилась Зотова. – Дербеневу Берн тоже безжалостно выгнала на самом взлете и обратно не приняла. Правда, в случае с Дербеневой действительно была веская причина.

– Вот я же говорил! – вытянул указательный палец Жданов и поинтересовался: – А это кто?

– Ее первая фаворитка, – объяснила Зотова и обратилась к Трофимову: – Вень, надо срочно разыскать эту девушку. Записывай: Юлия Дербенева, 1997 года рождения. Предположительно уроженка Питера. В данный момент может проживать там же. Ее отчислили из-за интересного положения полтора года назад. Собери мне о ней полную информацию. К слову, тебе ее фамилия никаких ассоциаций не навекает?

– Навевает ассоциации с Дербеневской набережной, – выдал Веня. Зотова поморщилась и покачала головой:

– Берн вчера была у меня в Следственном управлении. Уехала без четверти шесть, сообщив мне, что опаздывает на встречу. При мне она звонила человеку, с которым планировалось свидание, и сказала, что немного задерживается. Вероятно, из Следственного управления Берн рванула сначала сюда, на квартиру к Петру Земцову, а потом уже на встречу. Андрюш, проверь контакты Земцова. Да, вот еще что... Когда я описала, что преступник вытворял с Колесниченко, меценатка хлопнулась в обморок.

– Балерины вообще такие странные существа, – философски изрек Трофимов. – Я однажды на балете был, радовался еще как дурак, что в пятый ряд билеты достал. Потом только узнал, что балет надо смотреть издалека, потому что балерины как слоны топают.

– Это ты к чему? – спросил Жданов.

– К тому, что мы балерин воспринимаем воздушными и неземными, – пояснил Веня.

– А на самом деле они тяжелые и земные, – поддел Андрей. Трофимова перекосило. Между мужчинами снова начинался стихийный конфликт.

– Я хотел сказать, что на сцене они не только топают, но и постоянно хлопаются в обморок. Актрисы! Так что, возможно, Василиса Берн просто исполнила перед Леночкой Петровной миниатюру «Умиравший лебедь».

– Так и надо было свои мысли излагать, – вредным голосом сказал Жданов.

– Хватит! – рявкнула Зотова. – Мне надо подумать, а вы меня сбиваете. И вообще, я есть хочу. Сейчас уже одиннадцать вечера, а я еще не завтракала.

Услышав последнюю фразу, Плешнер тут же нарисовался рядом и льстиво залепетал:

– Лена, а поехали ко мне. Я тебя покормлю. Что у тебя с головой, к слову?

– В обморок хлопалась! От голода. Как лебедь умирающий, – соврала Зотова. – Спасибо, Гриша. У меня дома потоп. Надо хоть немного квартиру в порядок привести. Заканчиваем здесь, ребята. Андрюша, ты на дежурстве сегодня. В общем, без меня справитесь.

Плешнер уныло отплыл в сторонку, подумал, приплыл обратно.

– Хочешь, я тебе помогу квартиру в порядок привести? – с надеждой спросил судмедик. Профессор все еще надеялся, что она передумает и выйдет за него замуж. Григория было жаль, но она не могла ничего предложить профессору и не хотела его обманывать.

Пообещав коллегам вернуть им завтра сухие вещи, Елена Петровна простилась со всеми и отправилась домой. Только у подъезда она вспомнила, что Рыжов с Трофимовым опять не забрали эти поганые крылья с балкона. Ругая коллег и себя последними словами, она вошла в подъезд.

Какая-то сволочь снова выкрутила лампочки на этаже. В полумраке лестничной клетки она заметила на своем половике какой-то предмет. Сердце в груди глухо стукнулось о ребра. Елена Петровна присела и осторожно потрогала предмет рукой. Сердце забило сильнее: на половике лежал роскошный букет роз. Елена Петровна подняла его и вдохнула аромат. На лестничном пролете мерцал огонек сигареты.

– Сало хочешь? С черным хлебом? – хрипло спросила Зотова в темноту.

– Хочу, – просто сказал Варламов и снова вошел в ее жизнь.

Глава 10

Ловушка

В квартире было сыро. Влажность стояла в воздухе стеной. Елена Петровна решила не рисковать, свет не включать и зажгла свечи. Порезала сало с хлебом. Поставила на плиту обычный чайник. Розы определила в вазу. Предатель Федор все это время крутился у ног режиссера и довольно мурчал.

– С ремонтом я тебе помогу. У меня девочка есть хорошая, дизайнер, у нее своя бригада. Золотые руки у ребят, – заметил Иван Аркадьевич, сделал бутерброд и с наслаждением откусил кусочек. – По поводу расходов не волнуйся. Считай это моим подарком на Новый год.

Зотова разлила чай по чашкам и села.

– Обойдусь без твоих подарков. Я вполне могу сама сделать ремонт. Что тебе от меня надо? – в упор спросила она, сделала бутерброд и откусила кусок без всякого удовольствия. Варламов жевал и молчал. – Тебя твоя прима бросила? – ехидно спросила она.

– Что? – Варламов поперхнулся, закашлялся и с удивлением посмотрел на Елену Петровну. – Вот оно в чем дело, – усмехнулся он. – А я думаю, почему ты такая неласковая?! Про мой роман из газет узнала. Ревнуешь?

– Я? Я ревную? – Елена Петровна задыхнулась от возмущения. – Да кто ты такой, чтобы я тебя ревновала!

– Вот и замечательно, что не ревнуешь. А я было подумал: с чего это ты вдруг на меня накнулась? С Василисой у меня все прекрасно. Я просто пришел вернуть тебе одну вещь, – сухо сказал режиссер и положил на стол служебное удостоверение. Елена Петровна открыла книжечку, и у нее вылезли глаза из орбит:

– Откуда у тебя мое служебное удостоверение?

– Нашел в подвале балетной школы. Ты, вероятно, в спешке обронила. Завез вот.

– Спасибо, – неловко откашлялась она. – Я там была по делу, расследую смерть ученицы твоей пассии.

– Да, мне Василиса говорила, что ты ее до обморока в Следственном управлении довела. Не ревнуешь, главное! Это правильно. К чему обиды, я ведь тебе никто, – злил ее режиссер. Елена Петровна с ожесточением вгрызлась в бутерброд, чтобы не заплакать и не звездануть режиссеру в глаз. Варламов просто нахально над ней издевался.

– Я же не думала, что твоя Василиса такая нежная, – буркнула она.

Варламов доел бутерброд и запил его чаем.

В кухне повисла пауза.

– Ладно, спасибо за чаек и сало. Собирайся, и поехали, – поднялся он со стула.

– Куда? – ошарашенно поинтересовалась Зотова.

– Ко мне. Поживешь в моей квартире, пока у тебя будет ремонт.

– Издеваешься? Как это я поживу у тебя? Где у тебя? С какой такой радости? Я не собираюсь делать ремонт. Просохнет все, и слава богу! И вообще, про какую квартиру ты говоришь?

– Я квартиру купил в Москве. В последнее время я в России часто бываю. Надоело по гостиницам и съемным хатам скитаться. – Варламов немного помолчал и рявкнул: – Я там не живу сейчас! Квартира без дела стоит. Все, хватит спорить. Собирайся, и поехали. Можешь хоть раз сделать, что я тебя прошу! Я не планирую на тебя претендовать, если это тебя так волнует. У меня другая женщина есть, как ты знаешь. Это ведь так просто, поднять свою задницу, взять вещи и поехать со мной! Быстро! – заорал Варламов, грохнув по столу кулаком.

Елена Петровна вскочила и метнулась в комнату. Только там она сообразила, что сошла с ума. Варламов, судя по всему, тоже. Зачем ему это надо – тащить ее к себе? Что происходит вообще? Спорить с Иваном отчего-то больше не хотелось. Почему-то Елене Петровне казалось,

что если она возразит, то режиссер стукнет ее чем-нибудь тяжелым по башке. Если Варламову что-то в голову придет, гантелью не выбьешь. Придется ехать. Одно непонятно: что с собой брать? А главное, зачем все это надо Варламову? Елену Петровну осенило. Ее хотят убить! Варламов что-то знает и хочет ее спасти. А может, все наоборот: Василиса подговорила Варламова, чтобы он заманил ее в ловушку. Он спасает свою новую пассию! Они вместе ее убьют.

В дверях спальни появился Иван Аркадьевич со свечой в руках. В мерцающем свете его лицо казалось ужасным. Елена Петровна вздрогнула.

– Много вещей не бери, только самое необходимое, – хрипло сказал он. Елена Петровна в душе перекрестилась. Конечно, зачем ей вещи на том свете.

Варламов поставил свечу на туалетный столик и исчез. Елена Петровна открыла шкаф, достала дорожную сумку, покидала туда первое, что под руку подвернулось, и полезла за гантелью под кровать. Металл приятно охлаждал руку и успокаивал. Она сунула гантель в сумку, сверху положила ночную рубашку в клубничках, любимую, и закрыла молнию. Теперь она была готова.

– Готова? – как эхо, отозвался Варламов. Зотова снова вздрогнула.

– А как же Федор? – вдруг опомнилась она. – Я без него не поеду.

– Кота с собой заберем, – лишил ее последней надежды режиссер и взял Федю на руки. Предатель заурчал, как трансформатор.

– Еду его в холодильнике возьми... А я пока туалетные принадлежности соберу.

Варламов вышел, Елена Петровна спешно написала эсэмэс сыну, что ее залила соседка сверху и она временно переезжает к Ивану Аркадьевичу. Павел прислал в ответ смайлик. Разве сын мог предположить, что этот переезд может оказаться последним в жизни его матери? Однако кому еще она могла отправить сообщение такого, мягко говоря, интимного содержания? Трофимову? Вот Веня обрадовался бы, получив послание, что она ночует у своего бывшего поклонника. Завтра подколками бы замучил. Если это завтра наступит. Или Плешнеру? «Дорогой Григорий, я переезжаю к своему бывшему ухажеру Варламову. Не надейся и не жди», – Елена Петровна нервно хихикнула. Лучше бы, в самом деле, к Григорию сегодня отправилась. Сестра Плешнера Розочка накормила бы нормальной пищей. Потом, правда, пришлось бы уворачиваться от ухаживаний судмедика. Неизвестно, что лучше: от убийц гантелью отбиться или от интеллигентных уговоров профессора судебной медицины выйти за него замуж.

Зотова покосилась на балкон, где все еще лежали ненавистные крылья. Теперь окончательно стало понятно, что во всех ее неприятностях виноваты именно они! Мистика самая что ни на есть настоящая! Иначе почему главная улика по делу до сих пор валяется на балконе у следователя по особо важным делам? Удивительно, что ее до сих пор с работы не выперли после таких нарушений.

Покидая квартиру, Елена Петровна заперла дверь и положила ключ в карман пальто. Завтра с утра она обязательно избавится от подарка Шутника. Если доживет до завтра.

Варламов сунул ей кота, забрал сумку и бодро потрусил вниз по лестнице. Зотова поспешила следом.

В салоне «Вольво» было тепло и уютно. Пахло чем-то ванильным. Елена Петровна немного успокоилась. Нет, Варламов не может ее убить. Он ведь не убийца, а культовый режиссер. Иван делает людей счастливыми. Неужели он не видит, что его красотка Василиса Берн – чудовище в обличье лебедя. Его предложение – случайность. Иван ведь не мог знать заранее, что у нее дома потоп. Приехал и решил изобразить из себя благородного рыцаря. По старой дружбе. Или эта случайность банально сыграла Варламову на руку? Он хочет выведать у нее информацию по делу, чтобы помочь своей любовнице.

– Это ты в подвале у Василисы шишку набила? – серьезно спросил Варламов. Зотова машинально схватилась за лоб. Про свою неземную красоту она и забыла совсем. Вечно Варламов является в самый неподходящий момент. Зато она похудела килограммов на десять.

Форма висела на ней, как на глисте. Пришлось ее поменять на гражданскую одежду, брюки и свитер. Впервые в жизни Елена Петровна чувствовала, что одежда ей велика. В этом тоже крылья были виноваты. Неожиданно на Елену Петровну напал смех. Она всхлипнула и начала хохотать как ненормальная. Всю дорогу до дома режиссера Елена Петровна хохотала и не могла остановиться, пугая кота Федора и водителя. Варламов косился на нее странным взглядом, но попыток успокоить не предпринимал.

По ночной Москве до места добрались быстро. Квартира режиссера располагалась в элитном жилом комплексе недалеко от метро «Университет». Варламов отпустил водителя у подъезда. Подъезд внушал уважение. В таких домах бывать ей еще не приходилось. Просторный холл, натертый до блеска мраморный пол, цветы, охрана, лифты, как в дорогом отеле. И тут она, с шишкой на лбу, в старом пальто и с облезлым котом в обнимку. Пальто она так и не очистила как следует после подвала, заметила Зотова. Сапоги тоже грязные. Чучело огородное!

Охранник взглянул на Елену Петровну с удивлением. Зотова посмотрела на режиссера волком. Мог бы предупредить, что везет ее в царские хоромы. Ничего, правда, от этого не изменилось бы. Единственные приличные вещи у нее остались как «наследство» от Варламова. Не могла же она напялить на себя его подарки столетней давности!

– Аркаша, познакомься, это моя жена. Пропуск надо бы организовать, – сказал Иван Аркадьевич охраннику. У несчастного Аркаши челюсть поехала вниз, у Елены Петровны тоже.

– Кто? – поинтересовался охранник. – В смысле, мне бы имя... Для пропуска...

– Зотова Елена Петровна. Теперь она будет жить здесь, – сказал Варламов и потащил ее к лифту.

В лифте Зотова смогла убедиться в своей неотразимости еще раз. Кто только придумал обшивать лифты зеркалами? Как она и предполагала, из-за сильного удара лбом о трубу под глазами появились синяки. Не дождалась, подлые, утра! Впрочем, какая разница, как она выглядит? Зотова разозлилась, что постоянно думает о своей внешности. Какого ляда? У режиссера другая женщина, он ясно дал понять, что претендовать на нее не собирается. И она не собирается на него претендовать. Боже упаси!

– Зачем ты меня женой обозвал? – хмуро спросила она.

– Надо было назвать любовницей?

Лифт прибыл на этаж, и возразить Елена Петровна не успела. Собственно, она и не знала, что возражать. Как он действительно должен был ее представить? Следователем по особо важным делам?

Квартира Варламова тоже производила впечатление. Не квартира, а настоящие хоромы. Интерьер был оформлен в классическом стиле, дорого, но не вычурно, с аристократическим вкусом. Гостиная была соединена с кухней и выглядела такой огромной, что в нее вместились бы вся ее двухкомнатная хрущевка целиком. Высокие многоярусные потолки, светлая мебель и пол. Пастельные тона декора делали помещение воздушным. Особенно Елену Петровну впечатлили рояль и гардины. Для совершенства не хватало фонтана.

– Красиво у тебя, – оглядывая владения Ивана Аркадьевича, искренне похвалила Зотова и выпустила Федора на пол. Кот даже не думал переживать по поводу смены места, поднял хвост трубой и принялся с интересом обнюхивать пространство.

– Спасибо, – стянув с нее пальто, сказал Иван Аркадьевич. – Это не моя заслуга. У меня времени не было всем этим заниматься. Дизайнера нанимал. Хорошая девочка, поняла меня с полуслова и все хлопоты на себя взяла. – Варламов вынул из зеркального шкафа меховые тапочки и вручил их Зотовой. Тапки были женские, что Елену Петровну напрягло. Неужто прима, как земная женщина, в тапках по квартире щеголяет? Вообразить изысканную балерину в меховых тапках не удалось, но настроение все равно испортилось. – Проходи, не стесняйся, – сказал Варламов, который уже суетился у барной стойки. – Я чаек сейчас организую. Или кофе? Конечно, кофе! У меня восхитительный кофе есть. Из Копенгагена привез. Есть хочешь?

– Есть не хочу, спасибо. На ночь вредно. От кофе из Копенгагена не откажусь.

Елена Петровна стянула сапоги, сунула ноги в тапочки и прошла в гостиную.

– Раньше ты не отказывалась от перекуса перед сном. Расстроила ты меня. Неужели на диету села? Чем же я тебя теперь ублажать буду? – на полном серьезе спросил Варламов, открыл холодильник и замер, задумчиво созерцая полки.

– Меня ублажать не нужно. Ублажай свою балерину, – пропела Елена Петровна, плюхнулась на кремовый мягкий диван и осмотрелась. Судя по небольшому беспорядку в кухне, Варламов врал, что здесь не живет. Живет, гад такой.

Варламов на ее замечание не отреагировал, достал из холодильника сыр, виноград и бутылку белого вина. Порезал сыр, уложил красиво на деревянную круглую доску, туда же положил виноград. Откупорил бутылку вина. Достал из кухонного шкафа бокалы и две изящные кофейные чашечки. «Эстет», – подумала Зотова и ненавязчиво поинтересовалась:

– Сколько у тебя здесь комнат?

– Четыре. Гостиная, кабинет и две спальни. Выбирай любую. Я в кабинете сплю, на диване. Если позволишь, сегодня я тоже здесь переночую, а завтра перееду в отель, чтобы тебя не смущать.

– Глупости какие! Зачем снимать номер в отеле, когда у тебя квартира есть? Ты меня вовсе не смущаешь. В смысле, завтра я домой поеду.

– Почему? Тебе здесь не понравилось? – поинтересовался Варламов.

– Вань, может, хватит дурака из себя строить? У тебя своя жизнь, у меня своя. А если Василиса твоя нагрянет? Как ты ей объяснишь мое присутствие здесь? Я, конечно, не тяну на роковую разлучницу, но сомневаюсь, что ей придется по душе, что у тебя другая женщина в квартире живет. К тому же следователь, который ведет дело, где она выступает свидетелем. На самом деле ты меня своим приглашением пожить подставляешь.

– Глупости не говори! В твоём Следственном управлении все давно в курсе, какие у нас с тобой отношения. Были. Мне кажется, это твое личное дело, где ночевать и с кем. Я же не преступник, в конце концов!

Варламов поставил на журнальный столик поднос с закусками и вином, вернулся и занялся кофе. Потом вспомнил про Федора, налил ему воды и положил в блюдо корм. Слова про Василису он нахально проигнорировал.

Вино пили молча. Варламов уселся рядом с ней и откинулся на спинку дивана. Его близость Зотову нервировала. Елена Петровна заедала волнение изысканным сыром и виноградом. Варламов ничего не ел, только тянул потихоньку вино. Елена Петровна на нервной почве выпила бокал залпом. Вино тут же ударило в голову, и ей стало легче.

– Расскажи мне про свой новый проект, – попросила Зотова, когда пауза неприятно затянулась.

– Тебе это действительно интересно? – повернул к ней голову Варламов, глаза его блеснули.

– Конечно, иначе я бы не спрашивала!

– В основе сценария лежат реальные сведения о пути к успеху оперы Рубинштейна «Демон». Прекрасную оперу сначала приняли холодно, но вскоре все изменилось. Свою огромную роль в этом сыграл великий русский певец Хохлов. У него был потрясающий голос. Но суть не в этом. Он глубоко прочувствовал образ и понял, как исполнять роль. Хохлов очеловечил своего героя, изобразив вечную тоску и скорбь Демона. Именно таким придумал его Лермонтов. Зрители Хохлову поверили. Однако меня в этой истории заинтересовал другой момент. До Хохлова партию исполняли певцы Мельников и Корсов. Их сценические костюмы предполагали совершенно нелепые огромные крылья, сковывающие движения. Хохлов взял за основу своего сценического образа рисунки Зичи и отказался от тяжеловесных бутафорских

крыльев. Он скинул демонические крылья и получил за это человеческое признание. Символично, не находишь?

– Очень интересно! Я тебе уже говорила, что ты гений? – тихо сказала Зотова и подумала, что, к счастью, проект Варламова никакого отношения к делу об убийстве Вероники Колесниченко не имеет. Кроме потерянных крыльев, никаких аналогий с убийством она не нашла.

Варламов весело засмеялся и помолодел лет на десять.

– Рад, что моя идея тебе понравилась, – довольно сказал он и плеснул Елене Петровне еще вина. Она выпила бокал до дна, хотела закусить сыром, но он закончился. Голова закружилась. Кажется, она напилась. Надо думать, третьи сутки она почти ничего не ест!

– Ты в подвале у Берн эпизод картины снимаешь? – лениво поинтересовалась она. Варламов замер.

– Да, сцену из картины, – торопливо ответил он и опустил глазки в пол. По выражению его лица Зотова поняла, что режиссер что-то недоговаривает. Анализировать, однако, сил не было. Потянуло в сон.

– А ты крылья Демона случайно не терял? – зевнула Елена Петровна.

– На что это ты намекаешь?

– Я не намекаю, а спрашиваю прямо: реквизит в виде крыльев у тебя не пропал?

– Вроде нет, – пожал плечами Варламов. – А что случилось?

– Ничего не случилось. Ладно, пойдем спать. Я вторые сутки на ногах, а завтра вставать рано.

– Пойдем, – с готовностью вскочил режиссер. – Ванная там. Халат и чистые полотенца там же найдешь. Я пока постелю, – сказал Иван Аркадьевич и умчался в одну из комнат. Как-то он слишком быстро испарился. «Скрывает что-то», – с подозрением подумала Елена Петровна и отправилась принимать душ.

Благоухая гелем для душа «Морской бриз», распаренная и посвежевшая, в белом махровом халатике, она вышла из ванной и заглянула в комнату, куда убежал режиссер. Кровать была разобрана, горел приглушенный свет. Иван стоял у окна спиной к ней.

– Я здесь буду спать? – спросила она. Варламов обернулся. Зотова мгновенно вспотела. У режиссера было такое странное выражение лица, что стало неловко и волнительно. Некоторое время они смотрели друг на друга и молчали. Сволочь Варламов вновь разбудил в ней прошлые чувства, которые она старательно пыталась в себе убить. Черт возьми, зачем ему понадобилось тащить ее сюда?! Зачем? Ответ ясно читался в его глазах.

– Я соскучился по тебе, Лена, – сказал он с нежностью.

Она непроизвольно сделала шаг навстречу. Он словно этого ждал, мгновенно оказался рядом и уронил ее на постель. Свет в комнате потух.

* * *

– Спокойной ночи. Пойду еще поработаю, – сказал Варламов, поцеловал ее в щеку, выскользнул из постели и вышел из комнаты.

Елена Петровна натянула на себя одеяло. Что она натворила, дура? Как она могла с ним переспать? Нет, ну какая же она идиотка! У него другая баба, а она... Уму непостижимо! Она чувствовала себя глупой институткой, которую обесчестил курсант. Зотова шмыгнула носом. Надо было так сгруппироваться, повестись, дать волю чувствам! А он что? Мужик! В его спальне баба в халате, почему бы не воспользоваться добром. Почувствовал ее слабинку, воспользовался и слинял. Завтра будет делать вид, что ничего не случилось. А что будет делать она?

Зотова перевернулась на живот и накрыла голову подушкой. Ну и ладно, она тоже будет делать вид, что ничего не случилось. В конце концов, она уже не девочка. Она свободная женщина, а секс полезен для здоровья. Пусть Варламов совестью мучается, что изменил своей пре-

красной Василисе. В конце концов, это госпожа Берн у нее увела любимого мужчину. Завтра она вернется к себе в квартиру и забудет обо всем. Завтра все вернется на круги своя. Уговорив себя, что ничего ужасного не произошло, Елена Петровна уснула.

Глава 11

Урок живописи

Юлиан посадил Алису за мольберт и, склонившись к ее уху, шепнул:

– Сегодня мы не будем рисовать натюрморт. Расслабься и попробуй написать то, что ты чувствуешь.

Алиса вспыхнула и немного отстранилась от художника, искоса поглядывая на него. Юлиан чувствовал, что девушка волнуется, и наслаждался этой эмоцией. Он устал от пафосных нахальных баб, которые ничего не стеснялись. Сегодня было их второе занятие. На прошлом уроке Алиса тоже прелестно смущалась. Дербеш поймал себя на мысли, что с нетерпением ждал ее прихода и соскучился, хотя с момента расставания прошло не больше суток. Потаенная чувственность Алисы вдохновляла Дербеша. Дела у Юлиана в последнее время складывались не так хорошо, как хотелось. При всей своей бешеной популярности он остро ощущал внутреннюю пустоту. Появление Алисы принесло ему вдохновение.

Алиса оказалась прекрасной ученицей. Она жадно впитывала знания и после одного занятия показала результат. У девочки, несомненно, был врожденный художественный талант, который требовал лишь огранки.

Юлиан отошел от ученицы и сел в кресло, закинув ногу на ногу. Наблюдать за Алисой ему нравилось. Она была настоящей и так мучительно походила на НЕЕ!

– Важно отпустить свое сознание. Сознание мешает нам творить настоящее, – объяснял он. – Алиса, закрой глаза, расслабься и прислушайся к своему сердцу.

Девушка послушно выполнила указание, зажмурилась и замерла. Юлиан улыбнулся, любуясь нежным пушком на ее скулах, русыми завитками у виска, прозрачной кожей, густыми рыжеватыми ресницами. Сегодня Алиса пыталась приукрасить себя, завила волосы, неровно подвела глаза, мазнула губы отвратительной ядовитой помадой, напялила чудовищную блестящую блузку и короткую шерстяную юбку. Крепкая фигурка девушки смотрелась в этой одежде невероятно нелепо. Осталось только предполагать, где была госпожа Берн, когда у дочери формировался вкус. Дербешу хотелось огранить не только талант девушки, но и ей самой подобрать достойную оправу. Она была очень странной – внутри девушки бушевали страсти, но Алиса словно боялась выпустить эту бурю на волю. Юлиан надеялся, что новое задание поможет девушке немного раскрепоститься и она наконец покажет свой внутренний мир. Пока Дербеш не мог к нему подобраться, а время шло. Поручение Варламова надо выполнять. Дербеш не ожидал, что Алиса после знакомства вызовет у него симпатию. Невероятно, но он испытывал теплые чувства к дочери своего злейшего врага. Василиса Берн вложила в него деньги и раскрутила его имя, но Юлиан ненавидел эту женщину всеми фибрами души. Когда Варламов предложил ему роль в странном спектакле, у Дербеша в голове сложился свой сценарий. Художник обрадовался, что наконец-то пришло время отомстить Василисе Берн за все свои унижения, страдания и потери. Василиса жгла землю, по которой ходила. Созидая, она разрушала свои творения. Она слишком много хотела взамен. Берн убила его душу, превратила в раба и уничтожила самое дорогое, что у него было. Оглядываясь назад, на самое начало их знакомства, Юлиан удивлялся, что когда-то повелся на ее красоту и чуть с ума не сошел от страсти. Прозрение было тяжелым и болезненным. Юлиан сам не понял, как оказался в ее власти. Ничего, скоро он ей покажет, на что способен!

– Работай, я ненадолго отлучусь, – сказал Юлиан и вышел покурить на кухню, оставив Алису одну.

Когда он вернулся, то застал девушку в странном состоянии. Алиса находилась в трансе, торопливо что-то рисовала и не замечала ничего вокруг. Юлиан осторожно подошел сзади, с

интересом взглянул на мольберт и похолодел. Он словно посмотрел ей в душу и оказался в аду, в том самом аду, в котором сам жил последний год.

Дербеш не сдержался и положил ей руки на плечи. Алиса вздрогнула и выронила кисть. Он прикоснулся губами к ее волосам, резко развернул стул к себе, опустился перед ней на колени. Алиса смотрела на него без страха и смущения, глаза ее были темны, в них бушевала дьявольская страсть. На ее скуле отпечатался след алой краски. Юлиан провел по нему пальцем, размазав краску по скуле ко рту, провел пальцем по влажным губам. Вторая рука нырнула под юбку. Алиса не сопротивлялась, напротив, немного раздвинула колени и подалась навстречу. Под юбкой оказались теплые чулки и обыкновенные хлопковые трусики. Алиса часто задышала, ее теплое абрикосовое дыхание сводило с ума. Юлиан больше не мог сдерживаться, он взял девушку за бедра и, мельком взглянув на картину, на которой жила ее больная душа, резко сдвинул на край стула.

* * *

– Мама, наверное, волнуется, – сказала Алиса, перегнувшись через его обнаженный торс, взяла с прикроватной тумбочки сотовый, села и набрала номер: – Мама, я немного задерживаюсь. Юлиан решил мне показать некоторые приемы живописи, – прошептала в трубку Алиса, кокетливо отмахиваясь от приставаний Юлиана. Дербеш, слушая разговор, пощекотал языком ее обнаженную полную грудь и полез под простынку, чтобы потискать другое потаенное место. Алиса отшвырнула телефон, упала на подушку и застонала.

– Алиса! Алиса, чем ты там занимаешься? Немедленно домой! – слышался строгий женский голос из динамика телефона. Девушка округлила глаза и села, ошарашенно глядя на мобильник. Юлиан поднес палец к губам и отключил телефон.

– Блин, она все слышала, – забеспокоилась Алиса. – Она обо всем догадалась!

– Ну и что?! Ты ведь уже не девочка, – рассмеялся Юлиан, уронил Алису обратно на кровать и продолжил ласки. Дербеш был полностью удовлетворен: первый акт спектакля состоялся. Пусть теперь сдохнет от ревности, сука!

– Да, не девочка уже, – рассмеялась Алиса, изгибаясь под поцелуями художника.

– Не жалеешь? – тихо спросил он.

– Нет, я мечтала, чтобы это сделал ты. Теперь мне ничего не страшно!

Юлиан неожиданно отстранился. Алиса испуганно привстала на локтях, ее личико побледнело:

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось. Просто тебе в самом деле пора, – хмуро сказал Юлиан. – Я не хочу, чтобы твоя мать влетела сюда как фурия и разгромила мою мастерскую. Пойдем, я тебя в ванной выкупаю, а потом посажу на такси.

– Мы больше не увидимся? – робко спросила Алиса. Юлиан провел ладонью по ее прохладной щеке и с нежностью прошептал:

– Дурочка, разве я могу после всего, что между нами было, тебя оставить? Завтра мы снова увидимся. Обязательно увидимся. У нас будет особенный урок – я хочу написать твой портрет.

– Правда? – удивилась Алиса и хихикнула в ладошку: – Никогда бы не подумала, что смогу кого-то заинтересовать как модель. Тем более тебя!

– Ты просто не видишь. Не видишь очевидного! – с жаром возразил Юлиан. – Я покажу тебе, какая ты на самом деле. Ты все увидишь и поймешь. А потом... Я тебе обещаю. Мы будем вместе. Всегда... Вечно...

Он в шутку щелкнул ее по носу и направился в ванную. Алиса неуверенно сползла с кровати и завернулась в черную шелковую простыню.

– Вечно... – прошептала она, смакуя слово на языке, улыбнулась и пошла следом за художником.

Глава 12

Ключ к сердцу женщины

В глубине души Елена Петровна надеялась, что Варламов принесет ей завтрак в постель, как раньше, когда только начинал ее обхаживать. Однако, проснувшись, она завтрака не обнаружила. Мало того, Елена Петровна, обойдя просторные апартаменты режиссера, не обнаружила и его самого. Негодяй исчез в неизвестном направлении, не пожелав ей даже доброго утра. «Что удивляться? Исчезать как раз в духе Ивана Аркадьевича», – подумала Елена Петровна и заметила на холодильнике записку: «Ушел за хлебом. Целую». Это было так трогательно, что Елена Петровна чуть не прослезилась и в прекрасном настроении отправилась в душ. Культовый режиссер Варламов ушел за хлебом. Для нее!

Стоя под горячими струями, Зотова пыталась сосредоточиться на деле, но ничего не получалось. Душу во все стороны распирало от желания петь. Елена Петровна решила себя не сдерживать и под аккомпанемент воды заголосила на высокой ноте: «Виновата ли я, виновата ли я, что люблю?» Под финал «арии» Елену Петровну охватило необъяснимое волнение, и на повестке встал вопрос: «Так зачем же, зачем в эту лунную ночь позволяла себя целовать?» И почему, собственно, она виновата? «Это Варламов, гад, во всем виноват! Заманил честную девушку в ловушку и обесчестил!» – возмутилась Елена Петровна, намотала на голову полотенце чалмой, набросила халат и вышла из ванной в боевом настроении и с намерением задуть Ивана Аркадьевича за все свои страдания.

Судя по тишине в квартире, Варламов еще не вернулся, что и спасло его жизнь. Да-да, ее первый муж тоже иногда ходил за хлебом в соседнюю булочную и возвращался через несколько часов. Пришлось возвращаться в ванную и приводить себя в порядок. Из запотевшего зеркала на нее смотрела румяная и помолодевшая физиономия. Шишка со лба куда-то исчезла, всосалась, судя по всему, в мозг и утянула за собой синяки. Волосы легли так, как надо, а не стояли домом и не кучерявились мелким бесом.

«Видно, шампунь хороший», – с удивлением трогая свои шелковистые кудри, пришла к выводу Елена Петровна. Она вытряхнула на столик косметику из сумки и сделала макияж. Давненько она морду не малевала, синяки только замазывала и слегка красила ресницы, чтобы не пугать потерпевших и подозреваемых. Пришлось срочно вспомнить азы, которым научила ее хозяйка одного модного салона. Она потом, правда, оказалась убийцей, но Елена Петровна решила не придавать этой мелочи особого значения³. Сегодня она купит что-нибудь приличное. И вовсе не из-за Варламова. Раздвинув полы халата и с пристрастием оглядев себя, Зотова пришла к выводу, что за ночь она похудела еще на пару килограммов.

Время поджимало, надо было собираться на работу, но страшно не хотелось. Наутро у Елены Петровны был запланирован допрос Василисы Берн, и в душе по этому поводу шевелились противоречивые чувства. С одной стороны, Елене Петровне было стыдно, вроде как переспала с чужим мужиком. С другой: чей это мужик – вопрос. Кто с чьим мужиком спал – тоже вопрос. А самое главное, как себя вести, если Варламов сделает вид, что ничего не случилось, и продолжит крутить роман с Василисой. Все это было очень неприятно. Никогда в жизни она не делила мужчину с другой женщиной.

В гостиной ее ждал сюрприз. Кофе, апельсиновый сок, клубника, круассаны, тонко нарезанный швейцарский сыр и прозрачные ломтики ветчины. Сам искуситель Иван Аркадьевич разговаривал с кем-то в кабинете по телефону. Елена Петровна взяла клубничку, подошла к приоткрытой двери, хотела войти, но застыла. Варламов говорил явно о ней:

³ Читайте об этой истории в романе Марии Брикер «Коллекционер закрытых книг».

– Дубликат ключей от квартиры я сделал. Мой водитель отвезет ее на работу. Потом ключ тебе передаст. Сразу езжай на квартиру. Милая, надо сделать все очень быстро и по возможности тихо. Лена может в любой момент вернуться домой. Целую, солнышко. Надеюсь на тебя.

Зотова попятилась, бросилась в спальню, закрыла дверь и прислонилась к прохладной поверхности лбом. Сердце стучало в груди как сумасшедшее. Какая она дура! Дура! Следователь по особо важным делам называется! Она ведь чувствовала, что в предложении Варламова пожить у него кроется какой-то подвох. У них давно все кончено, у режиссера другая женщина. На что она рассчитывала? Собственно, ни на что!

Варламов сговорился со своей любовницей. Они выманили ее из квартиры, сделали дубликат ключей, чтобы проникнуть туда и... Зотова засунула за щеку клубнику и страдальчески вздохнула. Зачем им туда проникать? Чтобы похитить крылья демона! «Важную улику по делу об убийстве Вероники Колесниченко они хотят украсть», – осенило Елену Петровну. Что же еще можно похитить в ее квартире? Ее старые тапочки или замшелые пластинки Шопена?

Однако в этой очевидной версии был один весьма существенный «рояль». Зачем Василесе похищать крылья демона, если, по предварительной версии следствия, прима балета сама их Елене Петровне подкинула с помощью сантехника Пети?

Елена Петровна снова страдальчески вздохнула. Доконают ее эти крылья дурацкие и Варламов гад!

Елена Петровна отлипла от двери и оторопело уставилась на кровать. На покрывале лежала шиншилловая шубка удивительной красоты с капюшоном и карманами. Рядом громоздились красочные коробки и пакеты. Варламов сошел с ума и снова накупил ей шмоток. Что же теперь делать?

В дверь постучали. Елена Петровна отпрыгнула в сторону и застыла с идиотской улыбочкой на лице. Как себя вести, она совершенно не понимала. Варламов вальяжно вплыл в спальню:

– Лена, только ничего не говори, ладно? Просто примерь эти вещи, если не подойдут, я обменяю.

– А если подойдут? – с вызовом поинтересовалась Зотова и покраснела. Она совершенно не это хотела сказать. Собственно, она ничего и не хотела говорить, но сказать что-то надо было.

– Если подойдут – носи и не выпендривайся! – с угрозой сказал Иван Аркадьевич, взял шубку и напялил ее на Елену Петровну. – По-моему, в самый раз! Тебе очень идет, Лена.

Варламов развернул ее к зеркалу и, склонив голову набок, оценивающе уставился на ее отражение. Елена Петровна тоже уставилась на свое отражение. Шиншилла – уму непостижимо! Сколько же бедных милых зверюшек пришлось убить, чтобы сшить такую роскошную шубейку?! Какое счастье, что она не состоит в Гринпис! В жизни Елены Петровны Зотовой была только одна шуба. Каракулевая. Тяжелая, как самосвал, кургузая и вонючая. Мама на свадьбу подарила, щедро обработав шубейку нафталином. Впрочем, и без нафталина шуба воняла бараном. Елена Петровна сунула кошмарный подарок подальше в шкаф и надевала, только когда к маме ездила. Мама радовалась, как дитя. Ради этого Елена Петровна терпела жуткую шубу в шкафу несколько лет. Потом подарила ее дальней родственнице из провинции. С тех пор родственница с ней не разговаривала.

Шубка от Варламова была легкой и уютной. Снимать ее категорически не хотелось, и так обидно стало, что Варламов подарил ей эти шмотки, чтобы... Чтобы... Мозг у Елены Петровны заклинило. Зачем тратить такую уйму денег? Ради чего? Чтобы удержать ее рядом с собой? Бред какой! Она бы без всяких шуб осталась, может быть. Если бы не услышала телефонный разговор. Или Варламову просто стыдно перед соседями и охраной элитного жилого комплекса, что его «жена» ходит в дешевых шмотках? Поняв истину, Елена Петровна немного

успокоилась. Все они снобы. А Василиса Берн со своей какашечной норкой теперь вообще не котируется. Елена Петровна победоносно расправила грудь.

– Тебе не нравится, Лена? – обеспокоенно спросил Варламов. – Могу на соболя обменять или норку. А может, тебе больше нравится чернобурка?

Иван явно нервничал. Зотова решила не разочаровывать режиссера и сделать вид, что все идет по его коварному плану. Изобразить из себя счастливую благодарную дуру.

– Я вообще-то каракуль больше люблю, но сгодится и шиншилла. Спасибо, Ваня. Просто я немного растерялась, поэтому не сразу обрадовалась, – улыбнулась Елена Петровна и показала пальчиком на пакеты: – А там что?

– Остальные сюрпризы. Открывай и смотри, – обрадовался Иван Аркадьевич и уселся на кровать в ожидании показа моделей.

– Я на работу вообще-то опаздываю. Может, я вечером посмотрю?

– Ты в шубе и халате собралась на работу ехать? – ехидно заметил режиссер и вытряхнул на постель первый пакет, потом второй, третий и четвертый. От изобилия прекрасных вещей у Зотовой зарябило в глазах.

– Зачем ты так потратился? – с укором сказала Елена Петровна, мысленно прикидывая, в чем ей идти на работу.

– Ты же знаешь – я человек не бедный. Дочь я обеспечил, а самому мне мало что надо. Мне приятно делать тебе подарки.

Далее на кровать посыпались обувь из коробок, аксессуары, сумочки, перчатки и даже шапка, меховая такая, из соболя. Иван определенно свихнулся. Он даже босоножки зачем-то купил. Зачем ей босоножки зимой?! И колготки, и трусы. Трусы! Яркого-красного цвета! Елена Петровна зарумянилась. Как он себе вообще представляет ее в красных трусах?

– Белье и все остальное интимное мне в подарок дали, – заметил Варламов.

– Однако, – крикнула Елена Петровна.

– Примеришь? – кокетливо пропел Варламов.

– Обойдешься! – строго сказала Зотова.

– Какая ты неласковая, – хохотнул Иван Аркадьевич. – Тогда вечером, – деловито сказал режиссер, вытащил из груды вещей скромное черное платье прямого силуэта и элегантный нежно-сиреневый жакет и сунул в руки Зотовой: – Вот это надевай. Пойду пока кофе сварю. Я тебя на работу не отпущу, пока ты не позавтракаешь. Нельзя допрашивать преступников на голодный желудок, – пошутил режиссер и выскользнул за дверь.

Елена Петровна прикрыла дверь и набрала номер Трофимова:

– Веня, надо организовать около моей квартиры засаду. Сегодня Демон придет за крыльями. Как только Демон войдет в квартиру, хватайте его и в Следственное управление везите. Ничему не удивляйтесь и ничему не верьте – она оборотень.

– В погонах? – вякнул Трофимов.

– В пуантах! – рявкнула Зотова. – Короче, надеюсь на тебя!

– А вы где? – ошарашенно спросил Венечка, мыслительный процесс явно давался ему с трудом. Похоже, они все-таки выпили вечером пива с Рыжовым.

– Отбой! – сказала Зотова и отключила сотовый телефон.

Елена Петровна надела платье и жакет, взяла из кучи барахла сумочку, переложив туда свой скудный скарб и покрутилась перед зеркалом. Вещи сидели идеально и невероятно стройнили. У Варламова был талант подбирать ей одежду по размеру. Но как он мог так гнусно поступить? Вопрос был риторическим. Как он с ней, так и она с ним. Она докажет, что его несравненная Василиса Берн не лебедь, а дерьмо собачье, и засадит ее за решетку. Зотова сунула ноги в новые сапожки, надела шубу и шапку и вышла из комнаты.

– Ваш завтрак, леди, – театрально пригласил ее к столу Варламов.

– Извини, Ваня. Я действительно тороплюсь. Скоро у меня допрос Василисы Берн. Не могу же я заставить твою пассивность ждать, – сказала Зотова и мило улыбнулась режиссеру.

Варламов изменился в лице и заметался по кухне. Елена Петровна с презрением наблюдала за этими передвижениями. Через минуту Иван Аркадьевич вручил ей контейнер с провизией, чмокнул в щеку и проводил до двери:

– Мой водитель тебя отвезет. Возьми ключи. У меня сегодня съемки до поздней ночи. Позвони, когда закончишь, я пришлю водителя. Пропуск готов, возьми у охранника.

– Угу, – кивнула Зотова, сунула ключи в карман и побежала к лифту. В новых сапожках с меховыми отворотами, мягких и удобных, она чувствовала себя девочкой. Еще она чувствовала себя дурой.

Глядя на себя, прекрасную, в зеркало лифта, Елена Петровна переживала. Как она могла так попасть? Зачем она поехала к Варламову? Жила бы себе спокойно без шиншилловой шубы и душевных проблем. Она не понимала, как можно быть таким лицемерным говнюком? Как? Задабривать ее безумно дорогими подарками и замышлять со своей любовницей какую-то аферу против нее. А главное, зачем? Что это за игра такая в благодетеля дурацкая?

Она вышла из лифта и подошла к охраннику.

– Здравствуйте, пропуск на меня готов? – поинтересовалась она. Охранник на нее таращился и молчал. В шиншилле не признал, голубчик. – Я жена режиссера Варламова, – с достоинством напомнила Елена Петровна и ощутила вдруг легкое головокружение. Так странно звучала эта фраза. Жена. Режиссера. Варламова.

– Да-да, конечно! Госпожа Зотова. – Охранник выдал ей пропуск и льстиво улыбнулся: – Водитель вас ждет. Хорошего дня!

Ну надо же, какая она принцесса теперь! Жаль, что ненадолго.

Елена Петровна плюхнулась на белое кожаное сиденье «Вольво» и рывкнула:

– В Следственное управление!

Глава 13

Джон Леннон

На работе она произвела фурор. Сотрудники Следственного управления каменели при встрече с ней и провожали Елену Петровну странными взглядами. На этом представление не закончилось, несколько коллег решили нанести ей в кабинет визит вежливости под предлогом каких-то дел. В туалете Елена Петровна стала невольным свидетелем обсуждения коллегами ее внезапного преобразования.

– А что ты удивляешься, Анюта! – прошептала секретарша начальника Олечка своей приятельнице из отдела криминалистики. – В нашу Леночку Петровну втрескался криминальный авторитет, который по последнему делу проходил. Зотова так красиво его засадила, авторитет ее зауважал, преклонился перед умом нашей Леночки Петровны и через своих людей осыпает ее дорогими подарками.

– И она берет? – с ужасом спросила Анюта.

– А ты бы отказалась от шиншилловой шубы? – с вызовом спросила Олечка и шепотом добавила: – Он ведь от чистого сердца дарит, без всякого корыстного умысла. А прикинь, что будет, если Зотова откажется! Авторитет обидится и в асфальт ее закатает. Вот и приходится нашей бедненькой Леночке Петровне в шиншилле ходить.

– Ужасно! – завистливо вздохнула Анюта.

Зотова с трудом удержалась, чтобы не засмеяться и не выдать себя. Однако вскоре ей стало не до смеха. Слух про влюбленного авторитета стремительно расползся по Следственному управлению. Апофеозом стал вызов на ковер к начальству. Гаврюша ненавязчиво поинтересовался, все ли у Елены Петровны в порядке, и был с ней подозрительно нежен, что случилось с полковником крайне редко. Зотова заверила начальника, что все у нее отлично, выдала информацию по делу Колесниченко и оставила Гаврюшу дальше мучиться вопросом о связях Елены Петровны с криминальным миром. Врать Елена Петровна не любила, а правду о Варламове рассказать не могла. Она сама этой правды не знала.

До прихода Василисы Берн оставалось не больше получаса. Трофимов пока не звонил, сидел в засаде и ожидал Демона. А Демон отчего-то не торопился тырить крылья. Однако Елена Петровна была уверена, что приму схватят за тощую задницу в самое ближайшее время и на допросе она окажется вовремя. От нетерпения Зотова металась по кабинету и не могла ничего делать.

В комнату заглянул Жданов:

– Отец Трушиной пришел. Он у меня в кабинете, рвет и мечет.

– По поводу чего? – вяло отреагировала Елена Петровна.

– Незаконного допроса его дочери. Я такое про него только что нарыл! – шепотом сказал Жданов, обернулся и юркнул в кабинет, прикрыв дверь. – Григорий Владимирович Трушин в прошлом балерун, не слишком успешный. Его имя прогремело только однажды, когда у Трушина случился роман. Догадайтесь, с кем?

– Неужели с нашей несравненной Василисой Берн?

– Угадали! – обрадовался Андрей. – У меня стойкое ощущение, что мужик пытался взлететь на чужих крыльях, за счет более талантливой коллеги.

– Не говори мне ничего про крылья! – взмолилась Зотова. – Иначе меня стошнит!

Жданов помолчал некоторое время:

– Тогда слушайте самое интересное. В разгар романа Трушин внезапно женился на известной модели Кристине Петровской и вскоре после этого счастливого события вылетел из труппы, как пробка из бутылки. Через три месяца после свадьбы Кристина родила ему дочь Таню. На сцену Трушин больше не вернулся, уехал в Европу, занялся ресторанным бизнесом

и весьма в этом преуспел. Вернулся в Рашку и вскоре стал по-настоящему богатым человеком. Вероятно, балетное прошлое ресторатора так и не отпустило. Не знаю, как Трушин наладил отношения с Берн, но именно он стал первым спонсором ее балетной школы.

– И теперь пытается свои нереализованные мечты о балетной славе воплотить в дочери. А Берн не дает, – задумчиво сказала Зотова.

– Не давала, – поправил Жданов. – Теперь у Танечки Трушиной появилась такая возможность, если Василиса не решит сделать своей фавориткой вместо Тани кого-то другого. Так мне его успокоить самому или как?

– Сюда води. Вместе успокоим, – попросила Зотова и подумала, что на ловца и зверь бежит.

Георгий Владимирович заглянул в Следственное управление очень вовремя. Она собиралась с ним побеседовать, но с какой стороны подступиться к богатому ресторатору, не знала. Кроме возможного мотива, у Зотовой на Трушина ничего не было.

Георгий Трушин оказался совсем не таким, каким Зотова его представляла. Отчаянная зеленоглазая девочка Танечка с болезненным чувством справедливости, решающая проблемы кулаками, совершенно не походила на отца ни внешне, ни по характеру.

Отпечаток балетного прошлого прослеживался во всем: в манере одеваться, двигаться и говорить. Голос у Трушина был высокий, кость тонкая, движения плавные и артистичные. Внешне Георгий Владимирович красотой не блистал – тонкий нос с горбинкой, узкие губы, глаза немного навывкате, – он напоминал удивленную птицу, но была в нем некая харизматичная привлекательность, которая, несомненно, нравилась женщинам. Одежда ресторатора впечатляла. Трушин явился в Следственное управление в длинной соболиной шубе и сапогах на каблуках. На пальце правой руки ресторатора поблескивал массивный перстень с изумрудом, а под шубой оказались ядовито-зеленый бархатный пиджак, украшенный стразами, и розовый шейный платок.

Жданов прошел к окошку и сел на подоконник, настроив свои уши на прием новой информации.

– Я спрашиваю, по какому праву вы учинили допрос моей дочери? – на высокой ноте выдал ресторатор, поглядывая то на нее, то на Жданова.

– Я не устраивала ей допрос. Это была беседа, которая не имела никакой юридической силы, – вежливо сказала Елена Петровна. – Я расспрашивала Таню об их конфликте с Вероникой Колесниченко и отношении к ней других девочек. Произошло убийство одной из воспитанниц школы. Согласитесь, у меня был повод поговорить с одной из учениц. Присаживайтесь, пожалуйста. У меня к вам тоже есть несколько вопросов. Должна предупредить, что разговор я буду протоколировать, – сказала Зотова и хлопнула ладонью по папке с протоколами, которая лежала на столе. Трушин плавно опустился на стул, отбросил полы шубы и закинул ногу на ногу.

– Что же, задавайте свои вопросы, – по-барски разрешил он. – О чем вы собирались со мной поговорить?

– Почему вас так волнует, что я разговаривала с вашей дочерью? Она знает что-то, что не должны знать правоохранительные органы?

– Она ничего не знает! – отчеканил Трушин. – Я лишь забочусь о душевном спокойствии своего ребенка. Любой отец на моем месте...

– Если бы вы заботились о душевном спокойствии своего ребенка, Таня в данный момент находилась бы с любящими родителями дома, а не пребывала во время каникул в балетной школе, – заключила Зотова.

Трушин помрачнел и хмуро уставился на Елену Петровну:

– Танечка так решила сама. Она хочет быть в отличной форме.

– Насколько я знаю, у вас роскошный большой дом. Неужели там не нашлось угла, чтобы организовать вашей девочке место для занятий?

– Я сделал для Танечки целый балетный зал! – возмутился Трушин и умолк. – Ну хорошо... Я объясню, хотя это вас совершенно не касается. У нас с женой сейчас не самые лучшие времена. Мы решили разойтись и объявили об этом Танечке. Честно говоря, с Кристиной мы давно приняли это решение, но ради Танечки делали вид, что в семье все благополучно. Таня редко бывает дома и не видела всего, что у нас происходит. Мы старались в ее присутствии изображать счастливую пару. Однако всему когда-то приходит конец. И пришлось это как раз на Танечкины каникулы. Мы объявили дочери, что расходимся. Танечка очень тяжело это восприняла и сбежала из дома обратно в школу. Надеюсь, я исчерпывающе ответил на ваш вопрос?

– Это Таня вам рассказала, что я с ней беседовала?

– Нет, Танечка ничего мне не говорила. Бурмистров сказал, когда я позвонил выяснить, как дочка. Я так разозлился! Вы меня простите, ради бога. Я на взводе сейчас из-за предстоящего развода. Налетел на вас коршуном, – вздохнул Трушин. – Не знаю, что на меня нашло. Никаких претензий я более не имею. Прошу меня извинить. – Трушин примирительно улыбнулся. – Надеюсь, вы Танечку мою не подозреваете в чем-то плохом? Да, у нее были распри с Вероникой Колесниченко. Девочка эта была очень конфликтной и как бы это... Зазнайкой большой. А моя Танечка не терпит задавак. Но это ведь не повод подозревать девочку в убийстве? – Трушин внимательно уставился на Зотову, и ей стало ясно, для чего Георгий Владимирович явился в Следственное управление. Вовсе не для того, чтобы ссору затевать, а ради выяснения подробностей дела об убийстве Колесниченко.

– Не повод, но я обязана проверить все версии, – сообщила Елена Петровна. – Вы меня тоже извините, что побеспокоила вашу дочь. Но другого выхода у меня не было. Сами понимаете, убийство юной девушки – дело серьезное и не терпит промедления.

– Конечно! – воскликнул Трушин. – Я все понимаю. Повторяю, никаких претензий я более к вам не имею. Если необходимо, я Танечку сам привезу в Следственное управление. Однако надеюсь, что после беседы у вас к моей дочери не осталось вопросов. Вы сняли с нее все подозрения?

– С чего вы взяли, что я вашу дочь подозревала? По предварительной версии следствия, Колесниченко убил мужчина. Под подозрением у нас не Таня, а вы.

– Что вы сказали? – воскликнул Трушин. – Вы меня подозреваете? Помилуйте, зачем мне убивать Веронику Колесниченко?

– Чтобы освободить пьедестал для любимой дочери. Теперь ваша девочка первая в списке на роль фаворитки госпожи Берн, – влез Жданов. Трушин ошарашенно на него посмотрел.

– Вы ведь давно мечтали, господин Трушин, чтобы ваша девочка была первой? – вставила свое слово Елена Петровна. – В Танечке вы видите продолжение себя.

– Поэтому вы выступили спонсором балетной школы, – сказал Жданов. – Чтобы иметь влияние на Василису Берн.

– Вы надеялись, что Берн сделает из вашей Тани приму? – полюбопытствовала Зотова.

– Вознесет вашу дочь на Олимп, как когда-то пыталась вознести вас? – добавил Андрей.

– Достаточно, – остановил Трушин и выставил перед собой руку. Ресторатор молча смотрел на Елену Петровну, и в его синих глазах плескалась ярость. Трушин наконец-то показал свое истинное лицо. За утонченной внешностью и прекрасными манерами скрывался жесткий человек. Ничего удивительного в этом не было. В нашей стране не каждый может добиться серьезных результатов в ресторанном бизнесе. На это способен человек, обладающий сильной волей, совсем не такой, каким хотел показать себя Трушин.

– Какое у вас, господа следователи, богатое воображение, – усмехнулся ресторатор. – Вы поосторожней фантазируйте! Не злоупотребляйте своими полномочиями.

– Угрожаете?

– Господь с вами! Опять вы фантазируете. Я человек дела, и угрозы – не моя стихия, но предупредить о последствиях, так сказать, давления на меня и мою семью я обязан.

Трушин поднялся, шуруша соболиной шубой.

– Я тоже должна вас предупредить. Берегите Таню. Она у вас замечательная девочка, – сказала Елена Петровна.

Трушин сел.

– Дочке угрожает опасность? – занервничал он и снова вернулся в образ балеруна. Елена Петровна так и не поняла, играет ли ресторатор в данный момент, или напуган всерьез.

– Пока нет, но все может измениться, когда Таня станет фавориткой Василисы Берн. По одной из наших версий, мотивом убийства послужил яркий успех Колесниченко. Вероника после новогодних праздников должна была подписать контракт с Большим театром на одну из ведущих партий. Вы знали об этом?

– Да, знал. Я же главный спонсор школы и в курсе всех событий, которые происходят с ученицами.

– Что вы делали двадцать пятого декабря с семнадцати до двадцати часов вечера?

– Вы имеете в виду двадцать второе декабря? Колесниченко ведь двадцать второго убили.

– Откуда вы знаете, что Колесниченко убили двадцать второго?

– Я не знаю, я предполагаю. Тело ведь нашли в Ульяновском лесопарке двадцать второго декабря, и это не секрет.

– Нашли, но Колесниченко пропала двадцатого, и дату смерти мы не объявляли.

– Я не знаю, почему так сказал, – растерялся Трушин.

– Хорошо, чем вы занимались двадцать второго декабря? Опишите свой день подробно.

– Таню искал, – хмуро сказал Трушин. – Она с утра сбежала из дома и не подходила к телефону.

– Нашли?

– Ну да. Ближе к вечеру мне позвонил Бурмистров. Доложил, что Танечка в школе, с ней все в порядке.

– Он знал, что Таня пропала?

– Естественно! Первое, что я сделал, – поехал туда.

– Значит, вы были в том районе и заезжали в школу? Во сколько?

– Часов в одиннадцать или в половине двенадцатого. Точно не помню.

– Бурмистров может это подтвердить?

– Ну конечно! Тани там не оказалось. Я попросил Якова Сергеевича позвонить мне, если Таня объявится, и поехал обратно в Москву.

– Не проще было в школу позвонить и выяснить, там ли Таня? – спросил Жданов.

– Я звонил! – разозлился Трушин. – Просто Яков Сергеевич не подходил к телефону.

– Вы ему звонили на сотовый или на городской? – спросила Зотова.

– На оба!

– Почему Бурмистров не подходил? – поинтересовался Жданов, и Зотова поймала себя на мысли, что Андрей нравится ей все больше. А Трушин все меньше.

– Яков Сергеевич в подвале был. В котельной. Там сотовый не ловит.

– Во сколько вы уехали из балетной школы?

– В районе одиннадцати. Поехал домой и ждал Таню там. Около пяти вечера позвонил Бурмистров и сказал, что Таня вернулась, с ней все в порядке, но в школе беда. Убита одна из воспитанниц. Тело найдено в Ульяновском лесопарке. Я сразу в школу помчался, хотел Танечку увезти домой, но она наотрез отказалась.

– Где Таня была весь день?

– Сказала, что гуляла.

– На улице не май месяц, чтобы гулять, – философски заметил Андрей.

– Я о том же подумал! – взвился Трушин. – Подруги у Тани все из балетной школы, в данный момент разъехались кто куда. Она у музыкантишки своего паршивого ошивалась, а мне голову морочит.

– У Тани есть молодой человек? – удивилась Зотова. Балерина ни словом не обмолвилась о том, что крутит с кем-то роман.

– Молодой? Да он старше Тани на девять лет! – заорал Трушин. – Скажите мне, что может делать сопливая шестнадцатилетняя дура с двадцатипятилетним парнем? Чем она может его заинтересовать? – Ресторатор трагично вздохнул. – Я это дело запретил. Строго-настрога запретил! Но дочь не слушает. Любовь у нее, понимаешь! Романтика! Танечка не понимает, что этому музыкантишке от нее надо. Доиграется, дура. Вышвырнут ее из школы, как и Дербеневу. Прошу, только Василесе не говорите, – спохватился Трушин. – Иначе у Танечки будут неприятности. Я решу эту проблему в ближайшее время.

– Как зовут этого парня? – спросила Зотова.

– Бес его знает. В смысле, его так и зовут – Бес. Сценический псевдоним. Как вам это нравится?

– Как? – ошарашенно переспросила Зотова.

– А вот так, представьте себе. Моя славная девочка встречается с бесом. Я пытался найти информацию о настоящем имени, но пока не смог. Знаю только, что парень солист панк-рок-группы «Идущие по пятам». Я об этом музыкальном коллективе слыхом не слыхивал до тех пор, пока моя Тата не свихнулась от любви.

Елена Петровна переглянулась со Ждановым. Андрей правильно понял ее взгляд и сел за компьютер. Жданов набрал в поисковике название группы и кличку солиста – Бес, но Елена Петровна уже знала, что увидит на фото – карикатуру на Джона Леннона. Как же она так опростоволосилась?! Ведь видела у Трушиной в комнате плакат. Впрочем, вряд ли Таня поделилась бы с ней подробностями своей личной жизни, но как мог проморгать эту связь Бурмистров? С его хваленными методами наблюдения? Комендант в пролете, как говорится. Ничего удивительного. Балерины из школы мадам Берн отличались изворотливым умом и сообразительностью. Жизнь заставила.

«Они за мир и против войны», – вспомнила слова Тани Зотова, глядя на худого длинноволосого шатена в круглых очках. Если бы Бес смыл с физиономии готический макияж и вынул из носа, ушей и губ пирсинг, то, возможно, сходство с кумиром миллионов было еще большим.

– Убедились? – иронично спросил Трушин, наблюдая за ними.

– Да уж, – с сочувствием глядя на ресторатора, сказала Елена Петровна. – Где же ваша дочь познакомилась с этим типом?

– В Сети, где они еще могут познакомиться, – вздохнул Георгий Владимирович. – Интернет – это зло. Я хотел конфисковать у Тани компьютер, но она пригрозила, что бросит балет.

– Не расстраивайтесь, может, он вполне нормальный парень. Эпатирует с целью привлечь к своей персоне и группе внимание, – попыталась утешить расстроенного отца Зотова. В душе она ему сочувствовала, но разум выдавал другую версию. Название группы «Идущие по пятам» перекликалось с именем Яков, а кличка солиста Бес наводила на определенные размышления.

– Этот не эпатирует. Он такой и есть. Отморозок полный! Вы тексты песен его послушайте!

– Что-то не хочется. Давайте вернемся к вам, – сменила тему Зотова. – Вы уж простите, но надо до конца прояснить картину.

Трушин благосклонно кивнул.

– Что вы делали двадцать пятого вечером?

– Я был в своем ресторане на Мясницкой. Ужинал с партнерами. Это могут подтвердить как минимум несколько человек. А что случилось? Кого-то еще убили?

– Вы в ресторане были с женой? – проигнорировала вопрос Зотова.

– Нет, конечно! – разозлился Трушин. – Я же вам объяснил, что у нас отношения на грани разрыва. Не до ресторанов! Кристина была дома.

– Как вы можете это утверждать, если находились в ресторане?

– Кристина мне звонила в шесть с домашнего телефона. Интересовалась, когда я вернусь.

– Ваша жена продолжает вас контролировать, несмотря на развод?

– Вы переходите все границы! – жестко сказал Трушин.

– Я лишь задала уточняющий вопрос, – мило улыбнулась Елена Петровна.

– Ну хорошо. Хорошо, я отвечу! Да, Кристина продолжает меня контролировать. Она меня дико ревнует. Собственно, поэтому мы и разводимся. Я устал от ее патологической ревности на пустом месте. Послушайте, я не убивал Веронику Колесниченко! Хотя не скрою, меня раздражало, что Василиса продвигает эту бездарную вертихвостку, а не мою дочь. Я надеялся, что Берн когда-нибудь взглянет на Танечку иначе и оценит ее талант по достоинству. Таня гораздо талантливей, чем Вероника. Я вам это говорю не как отец, а как человек, превосходно разбирающийся в балете. Просто Таня не умеет преклоняться. Она не такая покладистая и послушная, как Вероника, вспыльчива и на язык бойка. Лепит вечно все, что думает. Василиса любит беспрекословное подчинение и чтобы ей дифирамбы пели. Таня в душе наставницу возносит до небес, но открыто это выражать не умеет. И, честно говоря, она не такая упорная, как Колесниченко и Дербенева.

– Отчисленная из-за беременности девочка? – спросил Жданов.

– Да, очень неприятная история... – вздохнул Трушин. – Хотя, конечно, сравнивать Дербеневу и Колесниченко нельзя. У Юли был бесспорный талант. Веронике таланта отмерено было гораздо меньше, но она брала упорством и безумным желанием побеждать. Ну и лестью, как уже говорил. Мне, конечно, больно, как отцу, видеть некоторую несправедливость по отношению к моей дочери, но чтобы другого ребенка из-за этого убить... – Трушин поморщился. – Она же ровесница моей Танечки. Вы знаете, я даже не уверен, что Василиса выберет новой фавориткой Таню.

– Старые счеты? – усмехнулась Зотова.

– Вы не баба, а вычислительная машина, – рассмеялся Трушин. – Примите это как комплимент. Вы узнали про наш давний роман?

– Работа у меня такая – быть в курсе событий, – сказала Зотова, пихнув Андрея под стол.

– Тем не менее я должен вас разочаровать. Наш роман с Василисой и разрыв якобы из-за моей женитьбы на Кристине – полнейшая чушь. У нас с Берн не было никакого романа. Никогда. Мы были просто друзьями. Василиса знала, что я встречаюсь с Кристиной и как я ее люблю. Не скрою, утку пустила сама Василиса. В тот момент ее бросил поклонник, и Василиса решила отомстить, сообщив всем о своем новом романе со мной. Я сначала опешил, а потом согласился подыграть по-дружески. В тот момент я даже представить себе не мог, чем обернется вся эта история. Сколько грязи на меня потом выльют! Я был наивным чукотским мальчиком.

– Вы с Чукотки? – машинально спросила Зотова. Трушин вылупился на нее с изумлением. Жданов гоготнул.

– С какой, на хрен, Чукотки? Это выражение такое.

– Ой, простите, – сконфузилась Елена Петровна. – Вторую ночь не сплю.

– Бывает, – задумчиво сказал Трушин и добавил: – Эффектные женщины не должны спать по ночам.

Елена Петровна изобразила на лице такое выражение, что Трушин испугался и даже забыл, о чем говорил. Жданов напомнил:

– Вас журналисты и коллеги обвинили в том, что вы закрутили роман с Василисой, чтобы подняться по карьерной лестнице.

– Да, моя карьера в балете не слишком хорошо складывалась. Все эти ужасные домыслы были очень неприятны. Ведь игру затеяла Василиса, а я лишь помог из благородных побуждений. Тем не менее шишки все на меня сыпались. Кристина тоже сходила с ума и требовала, чтобы я немедленно все прекратил. Василиса просила подождать немного. Честно говоря, я знал, чего она добивалась: Берн нравилась шумиха вокруг ее имени. В определенный момент у меня сдали нервы. Я женился на любимой женщине и ушел из балета. Навсегда. Сам. В газетах тут же написали, что Василиса из ревности и мести, используя свои связи, вышвырнула меня из труппы. Какая чушь! Опровергать что-то было бесполезно. Мы уехали с Кристиной в Европу. Думали, на пару месяцев, пока шумиха не утихнет, но задержались на два года. У нас были некоторые накопления. Чтобы было чем заняться, я вложил деньги в свой первый ресторан. В Европе это было легко. Ресторан быстро раскрутился и стал приносить доход. Я вложил деньги в еще один ресторан – и опять успех.

– Почему вернулись?

– Ностальгия, – улыбнулся Трушин, но Зотова думала иначе: Георгий вернулся, чтобы продемонстрировать обидчикам свое материальное превосходство.

– Выходит, что госпожа Берн своей шалостью в итоге не вас, а себя подставила? Ведь после вашей женитьбы на Кристине, которая находилась на последних месяцах беременности, она предстала перед всеми в не слишком радужном свете.

– Василиса меня никогда в этом не упрекала. Повторяю: шумиха была ей на руку. Она затеяла эту авантюру и даже дивиденды с нее сняла, – пожал плечами Трушин. – О ней постоянно писали.

– Нелицеприятные вещи, – дополнил Жданов. Трушин вяло улыбнулся и ушел в себя. Он старался выглядеть спокойным, но глаза Георгия поменяли цвет, и черты лица стали жестче. Кажется, давнюю историю ресторатор увидел сейчас с совершенно другой, непривычной стороны. Возможно, Трушину в голову не приходило, что Василиса Берн в той истории пострадала даже больше, чем он. После его женитьбы на Кристине прима балета стала выглядеть в глазах окружающих ревливой стервой и брошенной дурой. «Забыла ли Берн о прошлых неприятных событиях в жизни? Не в этом ли причина того, что госпожа Берн старательно игнорирует талант Тани Трушиной? Не делает ее фавориткой из чувства мести за прошлое?» – размышляла Елена Петровна. Судя по выражению лица ресторатора, он, возможно, думал о том же.

– Я хочу помочь вам найти убийцу. Для меня это дело чести. Слишком страшные обвинения вы выдвигаете против меня!

– Подозрения, – уточнила Зотова.

– Неважно, я хочу скинуть с себя их тяжелое бремя. У меня есть связи, деньги. Я помогу. Скажите, что надо делать?

– Не мешать нам! – жестко сказала Зотова. – Каждый должен заниматься своим делом, – мягче сказала Елена Петровна.

– Хорошо, – Трушин кивнул. – Я пойду?

– Да, протокол подпишите. – Елена Петровна придвинула ресторатору лист.

Трушин поставил подпись и направился к двери.

– Георгий Владимирович, – окликнула его Зотова. – А кто отец ребенка?

Трушин вздрогнул и обернулся. Лицо его словно осунулось, а глаза стали больными:

– Зачем вам знать, кто отец Тани? Я ее отец – и точка.

– Я Юлю Дербеневу имела в виду, – торопливо уточнила Зотова. Жданов притих, украдкой поглядывая из-за монитора на ресторатора.

– Понятия не имею! Спросите у Василисы, она этим занималась, – после паузы сказал Трушин.

Дверь за ресторатором закрылась, Елена Петровна неловко откашлялась. Своим нечетко сформулированным вопросом она случайно вошла совсем не туда, куда планировала, и подняла болезненную для Григория Владимировича тему.

– Теперь ясно, почему рыжая зеленоглазка с отчаянным характером так не похожа на своего отца. Трушин ей неродной, он женился на Кристине Петровской, когда она была в положении от другого мужчины.

– Что это меняет? – спросил Жданов.

– Ничего. Эта информация вообще к делу об убийстве Колесниченко не относится. Раз женился, значит, любил. Сильно любил. Не каждый возьмет в жены женщину, которая беременна от другого. Не каждый будет так сильно любить неродную дочь.

– Вроде нормальный мужик, а выглядит как гей, – сказал Жданов.

– Может, Трушин правда гей, женился на модели вовсе не из любви, а чтобы ребенка заполучить? Сам-то не может!

– Поэтому у них с моделью все развалилось!

– Развалилось – и ладно. Это их дело и их жизнь. Меня она не волнует. Меня расследование волнует. Мы топчемся на месте по сути, – с раздражением сказала Зотова и поставила на голову графин с водой, посидела так минуту, хлебнула водички из графина, грохнула его на стол и подумала, что если Демон явится за крыльями, то дело получится раскрутить в два счета. А если не явится?

– Почему это топчемся на месте? – возразил Жданов. – Круг подозреваемых в очередной раз замкнулся на Тане Трушиной. У солиста группы «Идущие по пятам» балерина предположительно пробыла с десяти утра и до четырех вечера. В это время как раз и была убита Вероника Колесниченко. Может, они вместе избавились от тела, потом Бес отвез Трушину в школу. Все складывается. Бес – иначе Демон. «Идущие по пятам», иначе «Идущий по пятам» – библейское значение имени Яков. Мотив лежит на поверхности! Если у Трушиной роман с Бесом, девушка могла делиться с поклонником своими проблемами и жаловаться на Колесниченко. Дескать, из-за вредной зазнайки ей постоянно попадает от наставницы и вообще Колесниченко занимает ее место под солнцем. Надо брать парня и раскручивать по полной программе.

– Лихой ты какой! Сначала надо информацию собрать и понять, с какой стороны крутить. Что там про него пишут?

Елена Петровна отодвинула Жданова с нагретого места, открыла сайт группы и вслух прочитала текст:

– Вырос без родителей. Бродяжничал в поисках смысла жизни. Работал дворником. – Елена Петровна усмехнулась: – Врешь, парень!

– Думаете, это вымышленная легенда о тяжелом детстве и отрочестве?

– А что тут думать, я уверена! Посмотри в его глаза. У этого Беса глаза сытые.

Елена Петровна нашла запись с концерта группы, включила – из динамика на весь кабинет громыхнул рок.

– Классно лабает чувак, – похвалил Жданов, пританцовывая на стуле.

– Не разделяю твоего мнения. Он не поет, а орет, словно ему прищемили кое-что. Так орет, что я ни одного слова понять не могу. Что-то ты растанцевался, я смотрю! А работать кто будет? – иронично спросила Зотова. Жданов с сожалением выключил музыку. – Узнай про этого парня все. Прежде чем его раскручивать, надо собрать о нем информацию.

– Да понял я, понял, не дурак. А тексты песен у этого Беса вполне ничего так, умные, – сказал Жданов, поправил очки и испарился.

Ближе к полудню наконец позвонил Трофимов и радостно доложил:

– Леночка Петровна, взяли мы Демона! Точнее, Демонику, – гоготнул он в трубку. – Везем в Следственное управление с подельниками. Будем через десять минут.

– С какими подельниками, Трофимов? – переспросила Елена Петровна, но Венечка уже отключился.

Глава 14

Сюрприз

Чтобы было чем себя занять до наступления одного из самых важных моментов в жизни, Зотова сделала себе кофе и решила перекусить. Круассан от предателя Варламова оказался божественно вкусным. Елена Петровна откусила внушительный кусок и услышала стук в дверь.

– Войдите, – прошамкала она и закашлялась – на пороге появилась Василиса Берн собственной персоной.

– Простите великодушно за опоздание! Я живу в пригороде, выехала заблаговременно и попала в пробку на въезде в Москву. Вечно там пробки. Дорогу перегородили для кого-то из чиновников. А мобильник я дома оставила. Постоянно его забываю.

– А где Трофимов? – тупо спросила Зотова.

– Трофимов? – удивилась Василиса и замерла посреди комнаты. – А кто это?

Елена Петровна уронила остатки круассана в контейнер, вскочила, отодвинула балерину с дороги и выглянула за дверь. Коридор был пуст. Она вернулась за свой стол и озадаченно уставилась на Берн.

– Что-то случилось? – заволновалась прима.

– Случилось! Но пока не знаю, что, – сказала Елена Петровна.

В комнате повисла пауза.

Спустя минуту из коридора послышался шум. Зотова снова вскочила и выглянула за дверь. Трофимов и двое полицейских вели под конвоем высокую чернявую девушку готической наружности и целый аул галдящих узбеков. Заметив Елену Петровну, Трофимов радостно помахал ей рукой. Зотова обернулась к приме и снова окинула ее странным взглядом. Василиса нервно теребила шарфик, не понимая, что происходит. Зотова тоже не понимала.

– Вам придется немного подождать. Присаживайтесь, – выдавила из себя следователь и пошла разбираться с Демоницей и табуном ее подельников.

Демоницу препроводили в кабинет Жданова. Ее подельники остались ждать в коридоре под присмотром сотрудников полиции.

– Вы кто? – спросила Зотова у девицы, листая ее паспорт. Имя девушки – Светлана Кочубей – Елене Петровне ни о чем не говорило. Откуда она взялась на ее голову, эта Кочубей!

– Я – сюрприз, – буркнула девица, уселась на табуретку и начала сосредоточенно грызть покрытые черным лаком ногти.

– Я уже поняла, что сюрприз. Как вы оказались в моей квартире? Что вы там делали? Откуда у вас ключи?

– Ничего я там не делала! – огрызнулась девица. – Не успела! Ваши коллеги меня скрутили и сюда привезли. Так и знала, блин, что эта затея добром не кончится. Я так понимаю, сигнализация сработала, да? – Девица вопросительно посмотрела на Елену Петровну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.